

Муса Джаруллах Бигиев
(25 декабря 1875 – 28 октября 1949)

Визитная карточка:

Муса Бигиев, магомеданский богослов

URL: <https://worldofaphorism.ru/kratkic-biografii/musa-yarullovich-bigeev>

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Серия «Сокровищница Татарстана»

М. Д. БИГИЕВ

*Посвящается 100-летию образования
Татарской Автономной Советской
Социалистической Республики*

МУСУЛЬМАНСКАЯ ТРАПЕЗА

УДК 641/642:297

ББК 36.99+86.38

Б59

*Печатается по решению редакционно-издательского совета Казанского
инновационного университета имени В. Г. Тимирязова*

Редакционная коллегия:

А. В. Тимирязова (председатель);

И. И. Бикеев;

А. Г. Хайрутдинов;

Е. Л. Яковлева;

Г. Я. Дарчинова

Бигиев, М. Д.

Б59 Мусульманская трапеза / М. Д. Бигиев: пер. с татаро-османского яз. А. Г. Хайрутдинова, предисл. А. В. Тимирязовой, Е. Л. Яковлевой; предисл. А. Г. Хайрутдинова. – 2-е изд. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 66 с. (Серия «Сокровищница Татарстана»)

ISBN 978-5-8399-0727-0

«Мусульманская трапеза» – перевод малоизвестной книги Мусы Бигиева «Маида». В ней повествуется о наставлениях благородного Корана и исламской религии, касающихся пищи, питья и трапезы мусульман.

Предназначена для всех интересующихся проблемой запретной и дозволенной пищи в исламе.

УДК 641/642:297

ББК 36.99+86.38

ISBN 978-5-8399-0727-0

© Перевод. Предисловие. Хайрутдинов А. Г., 2020
© Предисловие. Тимирязова А. В., Яковлева Е. Л., 2020
© Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова, 2020

Предисловие от издателя

Приглашение к мусульманской трапезе, не только вкусной, полезной и сытной, но и наполненной глубоким культурно-философским смыслом

Особое место в жизни человека занимают пища и связанные с ней практики приготовления, подачи на стол, вкушения, застольного этикета и ведения бесед. Еда является не только источником питания организма, но и перерывом на отдых, основой для восстановления сил, вдохновения к новым свершениям, наслаждения от вкушения и окружающей обстановки. Заметим, подобную роль пища играет не только для тех, кто ест, но и тех, кто готовит ее. Умение готовить и наслаждаться приемом пищи не только в праздники, но и в будни представляет собой искусство, одновременно демонстрирующее культуру личности и ее национальную принадлежность. Кухня каждого народа, включающая в себя процесс приготовления пищи и застолье, обладает собственным неповторимым колоритом, понять который можно или при погружении в среду, или при самостоятельном приготовлении национальных блюд с соблюдением всех правил и канонов.

Любая трапеза оказывается мощной культурной практикой, в которой пересекаются и взаимодействуют пища материальная и духовная, нравственные и эстетические черты. Именно еда становится мощным источником преобразования личности, насыщая и облагораживая ее. Другое дело, что современный человек, постоянно испытывающий прессинг социального, все делая в спешке и быстро поглощая пищу (практически на бегу), нередко не задумывается о тончайших нюансах вкушения, правила которого он усвоил бессознательно, в детском возрасте, в лоне своей семьи.

Безусловно, процесс принятия пищи требует не только практического, но и теоретического опыта, осмысления. Человек вкушающий должен задаваться вопросами: почему так принято? Что является источником подобного? У кого заимствована черта? Когда возникла традиция? Что ей предшествовало?..

Но, к сожалению, только единицы из нас, размышляя над ежедневными практиками вкушения, обращаются к специальной литературе,

посвященной истории кухни и гастрономической традиции. Надо отметить, что на сегодняшний день можно обнаружить огромное количество источников (в том числе научных, исторических, популярных, художественных), в которых затронута тема еды и ее особенностей. Более того, у каждого народа существуют особо почитаемые, священные книги, содержащие в себе божественную мудрость, ориентирующую в жизни. Этим книгам следуют уже множество поколений людей. В них, помимо профессиональных предписаний верующим, можно обнаружить и пункты, касающиеся повседневных практик, в том числе процесса вкушения пищи. Другое дело, что обывателю необходима интерпретация священных положений, которая поможет понять некоторые смыслы, затерявшиеся в лабиринтах истории.

Священной книгой мусульман является Коран. В нем содержатся предписания, связанные с едой и нередко вызывающие определенные споры. Именно интерпретации положений, связанных с пищей, посвящена книга «Мусульманская трапеза» выдающегося татарского философа и богослова Мусы Бигиева (1875–1949). Необходимо заметить, что, трактуя положения Корана, касающиеся еды, М. Бигиев демонстрирует не только собственную эрудированность, но и широту взглядов, чуждых косности, догматизму и односторонности (о чем говорит его образование – светское и богословское). Так, трактуя положение о недозволенности продукта в пищу у мусульман, он допускает его применение для других нужд человека, ибо «в природе нет ничего бесполезного, лишнего и ненужного». Главная цель Мусы Бигиева – изложить взгляды на пищу, характерные для ислама и лишённые ошибочных представлений. Неслучайно философ при трактовке положений Корана о еде учитывает в первую очередь особенности вкушения мусульман, не выходя за пределы темы и придерживаясь этики научных исследований.

Муса Бигиев с любовью подчеркивает, что мусульманская трапеза включает в себя полезные традиции и прекрасные обычаи верующих в Аллаха. В мусульманской традиции пища олицетворяет благо, дозволенное Аллахом, что приносит пользу вкушающему. Неслучайно именно Всевышнего необходимо благодарить за вкушаемые блага.

Мусульманская трапеза, как считает Муса Бигиев, воплощает собой сложную систему взглядов на еду, затрагивающую общественное мироустройство и жизнь отдельного человека. Вкушаемая пища оказывает влияние на физическое и нравственное состояние человека. В суре «Верующие» провозглашается: «Вкушайте блага и поступайте праведно». Интерпретируя священную книгу мусульман, М. Бигиев заключает: «...все аспекты физического бытия человека, равно как и состояние его естества, его природы, даже характер и нрав человека, в основном соответствуют поедаемой им пище,

а не только воспитанию». Считается, что счастье и благополучие личности зависят от качества пищи, неслучайно в Коране еда классифицируется. Согласно священной книге мусульман, все приносящее пользу, чистое, свежее и не несущее вреда, достойно уважения и поддержания традиции (халяль). Дозволенность – фундаментальная основа ислама и его истина, требующая поддержания и исполнения. К числу дозволенного к употреблению в качестве пищи у мусульман называются блага в виде полезных ископаемых, растительности и зелени, животных и птиц (кроме хищных, жалящих, пугливых, глухих, питающихся мерзостью животных и птиц, мертвечины, свинины, пролитой крови и животных, заколотых не ради Аллаха). Напротив, любая недоброкачественность (гнилое, протухшее, отравленное), которая может навредить человеку и религии, признается недозволенным (харам). Только разрешенная Аллахом пища, выступая в роли блага, одухотворяет человека: она способна удержать его от кровожадности, жестокости, беспощадности, трусости и глупости. Но в особых ситуациях (голода, принуждения, крайней необходимости), когда запретность перестает существовать, возможно отступление от правил, ибо Аллах Прощающий Милосердный аннулирует запрещенность. Пищевое неповиновение в особых обстоятельствах сохраняет жизнь человека, которая является высшей ценностью. Поэтому утоление голода и жажды важны для личности, а пища в экстремальных условиях оказывается даром, способствующим продолжению жизни.

Дорогой читатель! Ты держишь в руках уникальную книгу, которая в XXI веке обрела второе рождение. Забытый трактат Мусы Бигиева «Мусульманская трапеза» был случайно обнаружен в библиотеке Санкт-Петербурга кандидатом философских наук Айдаром Гарифутдиновичем Хайрутдиновым, занимающимся исследованием его творчества.

Мы надеемся, что прочтение данной книги заставит тебя, дорогой читатель, по-новому взглянуть на мусульманскую трапезу, приоткрыв в ней непонятное и потаенное, нравственное и эстетическое. Она воплощает в себе мир культуры ислама, концентрирует в себе духовность, формирует отношение к еде как нравственной и эстетической роскоши, рождает желание вкушения согласно ритуальным правилам.

Тимирясова Асия Витальевна,

кандидат экономических наук, ректор Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова,

Яковлева Елена Людвиговна,

доктор философских наук, кандидат культурологии

Предисловие от переводчика

«Маида»: богословский трактат Мусы Бигиева

Известно, что выдающийся татарский религиозный ученый, богослов, философ и общественный деятель Муса Джаруллах Бигиев (1875–1949) оставил после себя многогранное письменное наследие. В трудах ученого были подробно рассмотрены и проанализированы наиболее злободневные богословские, теологические, исторические, культурно-цивилизационные, социально-политические, экономические, образовательные проблемы, предложены способы их решения и преодоления.

Ученый занимался религиозными науками и писал на протяжении всей своей сознательной жизни вплоть до самых последних ее дней. Первые из известных мне трудов М. Бигиева были написаны в 1904 г. и опубликованы в 1905 г., а последние работы печатались вплоть до даты его кончины в 1949 г. В творческой биографии М. Бигиева наиболее интересным является период с 1905 по 1917 г. Именно в эти годы были написаны наиболее важные его труды, представившие мусульманскому миру мировоззрение, основные идеи и устремления выдающегося сына татарского народа.

Настоящая статья является вступительным словом к одной из малоизвестных богословских работ М. Бигиева, которая, относясь к упомянутому выше наиболее плодотворному петроградскому периоду его творческой биографии, была опубликована в 1914 г. Речь идет о небольшой брошюре, которая, по пока неизвестным мне причинам, была представлена автором под двумя названиями, а именно: «Маида» («Трапеза») на первой странице обложки и «Зэбиха хэм хыйтан» («Заклание и обрезание») на титульном листе.

Упомянутая работа ученого была обнаружена мной в Российской национальной библиотеке (далее – РНБ) во время участия в работе 3-й Международной научно-практической конференции Отдела национальной литературы РНБ «Национальная книга: гостья из прошлого? Метаморфозы традиции в современном мире», состоявшейся 17–18 ноября 2017 г. в Санкт-Петербурге. Благодаря любезной услуге, оказанной мне главным библиотекарем и по совместительству хранителем Отдела национальной литературы (далее – ОНЛ) РНБ Азии Ахнафовны Нигматуллиной, я получил

возможность составить полный список книг Мусы Бигиева, хранящихся в ОНЛ РНБ, а также в Отделе литератур стран Азии и Африки (ОЛСАА) этого же учреждения.

Хранящаяся в РНБ книга М. Бигиева «Маида» сразу же привлекла мое внимание тем, что до этого она была мне неизвестна, несмотря на то, что изучением наследия этого автора я занимался далеко не первый год.

Упомянутая книга написана М. Бигиевым на татаро-османском языке, на котором он создал основную массу своих работ до эмиграции. После ознакомления с текстом издания было принято решение публиковать ее на русском и татарском языках под первым названием «Маидэ» («Трапеза»), поскольку оно соответствует содержанию книги. Что касается второго названия «Зэбиха һәм хыйтан», вынесенного на титульный лист издания, то оно было мной отложено по той причине, что не имеет отношения к темам, рассматриваемым автором в этой книге. Возможно, М. Бигиев задумывал издать серию публикаций на заявленные темы, такие как запретное и дозволенное в пище, ритуальный забой скота и обрезание. Однако, как мне видится, цикл публикаций либо ограничился темой запретного и дозволенного, либо остался в рукописном варианте, либо был издан и до сих пор остается необнаруженным.

Здесь уместно будет затронуть вопрос о степени изученности книги М. Бигиева «Маида».

Проведенное мной исследование показало, что книга М. Бигиева «Маида», действительно, является малоизвестной даже в кругу исследователей трудов татарского богослова. К примеру, во внушительном сорока-томном издании «Islam Ansiklopedisi» («Энциклопедия ислама»), подготовленном под эгидой Министерства по делам религии Турецкой Республики (Türkiye Diyanet Vakfı), в статье, посвященной Мусе Джаруллаху Бигиеву, при перечислении названий его изданных книг упоминание о книге «Маида» отсутствует. И это при том, что соответствующая энциклопедическая статья была написана турецким ученым доктором Ахметом Канлыдере, который является автором диссертационного исследования и монографии, вобравшей в себя результаты многолетнего изучения им жизненного пути и научного наследия Мусы Бигиева. В частности, доктор А. Канлыдере в своих исследованиях особое внимание уделил вопросу об установлении точного количества изданных работ Мусы Бигиева. Этой теме посвящен один из трех разделов его монографии, посвященной жизни и деятельности Мусы Бигиева. Глава о трудах татарского ученого называется «Eserleri ve Makaleleri» («Его [М. Бигиева. – Прим. А. Х.] произведения и статьи»).

Иными словами, до сегодняшнего дня исследование А. Канлыдере по упомянутой теме являлось наиболее глубоким и полным.

Кроме А. Канлыдере, то есть до появления в научной бигиевистике его работы, посвященной, помимо прочего, источниковедческому исследованию письменного наследия М. Бигиева, этой теме касались еще несколько турецких интеллектуалов. Однако их работы носили разовый характер, а потому их нельзя назвать результатом глубоких и систематических научных исследований. Из известных нам подобных работ такого рода я могу перечислить нижеследующие публикации:

1) журнальная статья М. Балабана «Musa Carullah, 1875–1949; Hayati, Felsefesinden Birkaç Çizgi, Eserleri» («Муса Джаруллах, 1875–1949; Его жизнь, несколько очерков из его философии, его труды»);

2) вступительное слово к переводу на турецкий язык книги М. Бигиева «Озын көннәрдә рузә» Ю. Уралгирая (1915–1986);

3) книга А.-Б. Таймаса (1883–1969) «Musa Carullah Bigi, kisiliği, fikir hayati ve eserleri» («Муса Джаруллах Биги: человек, мир его идей и его труды»).

Примечательно, что в перечисленных публикациях какие-либо упоминания о книге «Маида» отсутствуют.

Имя Мусы Бигиева после десятилетий забвения было возвращено в научный оборот, в прямом смысле этого понятия, вышеупомянутым турецким исследователем Ахметом Канлыдере, который в 1988 г. защитил первую в истории современной ориенталистики диссертацию, посвященную наследию выдающегося татарского религиозного мыслителя. Его диссертация называется «Rusya Türklerinden Musa Carullah Bigi (1875–1949)» («Один из российских турок Муса Джаруллах Биги (1875–1949)»). Следующая диссертация, посвященная М. Бигиеву, была подготовлена Мехметом Гёрмезом. Она называлась «Musa Carullah Bigi Hayati, Fikirleri ve Eserleri» («Муса Джаруллах Биги: его жизнь, идеи и труды») и была защищена уже в 1989 г. Можно с уверенностью утверждать, что эти два исследователя положили начало научной бигиевистике.

После появления в Турции в 1994 г. монографии М. Гёрмеза, написанной им на основе диссертации, фигура М. Бигиева оказалась в поле пристального научного внимания. В результате, по состоянию на 2016 г., в Турции успешно защищены 10 диссертаций, посвященных его наследию. С целью выяснить, упоминают ли авторы этих научных работ книгу М. Бигиева «Маида», в ходе подготовки настоящей статьи были просмотрены диссертационные исследования, данные о которых приводятся ниже в хронологическом порядке:

- Görmez, Mehmet. Musa Carullah Bigi Hayatı, Fikirleri ve Eserleri. T. C. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tefsir-Hadis Anabilim Dalı. Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 1989. 168 s.
- İşleyen, Ahmet. Musa Carullah Bigiyef'in Kur'an Anlayışı ve Yorum Yöntemi. Yüksek Lisans Tezi. T. C. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Temel İslam Bilimleri (Tefsir) Anabilim Dalı. Ankara, 2002. 124 s.
- Kuzu, Nurhan. Osmanlı'dan Modern Türkiye'ye Geçiş Döneminde Aydınların Medeniyet-Din İlişkilerine Bakışı Hüseyin Kâzım Kadri Ve Musa Cârullah Bigiyef Örneği. Yüksek Lisans Tezi. T. C. Uludağ Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü İlköğretim Din Kültürü Ve Ahlak Bilgisi Öğretmenliği Anabilim Dalı. Bursa, 2005. 107 s.
- Öz, Nuri. İslam Düşüncesinin Yenileştirilmesi Bağlamında Mustafa Sabri İle Musa Carullah Bigi'nin Karşılaştırılması. Yüksek Lisans Tezi. T. C. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü İlahiyat Ana Bilim Dalı Kelam Bilim Dalı. İstanbul, 2007. 128 s.
- Gafarov, Raim. Musa Cârullah Bigiyev'in Kader Hakkındaki Görüşü. T. C. Uludağ Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Temel İslam Bilimleri Anabilim Dalı Kelâm Bilim Dalı. Yüksek Lisans Tezi. Bursa, 2009, 111 s.
- Savaş, Akif. Kelamın Yenileşme Sürecinde Musa Carullah Bigiyef. T. C. Dokuz Eylül Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Temel İslam Bilimleri Kelam Anabilim Dalı. Yüksek Lisans Tezi, 2009. 91 s.
- Küçükmehtemoğlu, Ömer. Musa Carullah Bigiyef'in Dîvân-I Hâfız İsimli Eserinin Kelime Hazinesi Bakımından İncelenmesi. T.C. Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Çağdaş Türk Lehçeleri Ve Edebiyatları Anabilim Dalı. Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2010. 485 s.
- Kurtdede, Remzi. Musa Carullah Bigiyef Ve İslam Hukuku İle İlgili Görüşlerinin Değerlendirilmesi. T. C. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Temel İslam Bilimleri (İslam Hukuku) Anabilim Dalı. Doktora Tezi. Ankara, 2011. 242 s.
- İleri, Gülşah. Musa Carullah'ın Eserlerinde Rusya Müslümanları'nın İlk Siyasi Faaliyetleri: 1905–1906 Yazıları. T. C. Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Tarih Anabilim Dalı Genel Türk Tarihi Bilim Dalı. Yüksek Lisans Tezi. İstanbul, 2016. 206 s.

В результате исследования этих научных работ было установлено, что упоминание о книге «Маида» встречается лишь единожды в диссертационном исследовании Ремзи Куртдере на соискание степени доктора наук. Диссертация называется «Musa Carullah Bigiyef Ve İslam Hukuku

İle İlgili Görüşlerinin Değerlendirilmesi) («Муса Джаруллах Бигиев и оценка его взглядов, относящихся к исламскому праву»). В ней, говоря о книге «Маида», исследователь ограничивается пересказом информации, содержащейся в аннотации, написанной М. Бигиевым к этой его работе. От себя Р. Куртдере добавляет лишь, что автор попытался решить все еще остающуюся спорной шариатскую проблему о дозволенности употребления конины и мяса созданий, живущих в воде.

Таким образом, факт существования книги М. Бигиева «Маида» был известен лишь единицам исследователей, а потому введение ее в научный оборот является значимой вехой в истории отечественной бигиевистики.

Некоторая неопределенность в установлении точного названия книги М. Бигиева, а также вопрос выбора названия для настоящего перевода были вызваны рядом факторов, которые следует рассмотреть подробнее.

Начнем с того, что это издание брошюрного типа имеет мягкий переплет, на первой странице (обложке) которого неброским мелким шрифтом напечатаны: в верхней части – имя автора (*Муса Джаруллах*), в центральной части – название книги (*Маидә*) и чуть ниже – краткая аннотация. Аннотация сообщает следующую информацию о книге: «*Инсанларның тағамларе, маидәләре хақында Коръән кәримнең айәт кәримәләрене исламның тағълимнарене ижтиһад юлыйлә бәян идәр китаптыр. Зәбихә мәсьәләләрене дә ниһайи катгый сурәттә хәл идәр*»¹.

Титульный лист книги со вторым ее названием «Зәбиха һәм хыйтан» выглядит несравненно ярче и насыщеннее в информационном плане, нежели обложка книги. В верхней части титульного листа в качестве эпиграфа размещены определенные темой книги аяты Корана; в центральной части страницы крупным шрифтом пропечатано название книги (*Зәбиха һәм хыйтан*) и далее мелким шрифтом аннотация следующего содержания: «*1913 сәнәдә ноябрь 26да дәүләт думасына зәбихә хақында үң депутатлар тарафыннан бирелмеш ләхиа бәрәкәсендә, Русия мөселманнарының 1914 сәнәдә зәбиха мәсьәләләрендә хәрәкәтләре мөнәсәбәтейлә; һәм дә тағам, зәбиха хақында көтеб фикъһиядә һаман хәл кыйлынмамыш мәсьәләләрене хәл итмәк өмидейлә, шу китап Муса Жаруллаһ*

¹ Перевод: «В этой книге путем компетентного богословского исследования повествуется о наставлениях благородного Корана и исламской религии касательно человеческой пищи, питья и трапезы. Также здесь приводится неопровержимое решение по проблемам ритуального заклания». Отмечу, что по непонятным причинам заявленная автором тема о ритуальном заклании в книге остается нераскрытой.

решенному вопросу? Ведь известно, что за века истории исламского права были написаны десятки тысяч богословских трудов, в которых в ряду невероятного разнообразия правовой проблематики были максимально подробно и детально рассмотрены вопросы дозволенных и запретных для мусульман продуктов питания.

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно вспомнить, что М. Бигиев принципиально не воспринимал религиозные установления, изложенные в трактатах по исламскому праву в качестве вечных и неизменных, хотя и не отрицал их выдающейся значимости для истории мусульманского богословия и религиозной мысли в целом. Объясняя причины застоя и интеллектуальной стагнации, поразившей институт исламского правотворчества, ученый акцентировал внимание своих современников на том, что исламское право было задумано как гибкое и универсальное средство регулирования норм общественного сожителства, однако оно не стало таковым по целому ряду причин. Одной из таких причин, по его мнению, стало «закрытие врат иджтихада»^{4,5}. Это привело к тому, что исламский шариат был лишен возможности реализовать свой невероятный социальный, экономический, политический и этический потенциал, доказав всему миру совершенство правовой системы, основанной на Коране и Пророческой сунне. В своих богословских трудах М. Бигиев произвел детальный анализ негативных явлений и тенденций, на протяжении веков происходивших в области мусульманского права и его методологии, а также разработал стратегию и тактику решения накопившихся проблем. Примеры подобных решений он изложил в своих фетвах, например, в фетве относительно поста в высоких широтах, в фетве об опьяняющих напитках и многих других.

⁴ *Иджтихад* («усердствование, старание») – технический термин мусульманской юриспруденции, подразумевающий деятельность богослова в изучении и решении вопросов религиозно-правовой сферы. При этом богослов опирался на систему принципов, аргументов, методов и приемов выведения правовых установлений, т. е. законов шариата. Для вынесения подобных правовых решений богослов должен обладать определенной степенью авторитетности в знании, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников, каковыми являются Коран, Сунна, а также ряд других правовых инструментов.

⁵ Понятие «закрытие врат иджтихада» подразумевает неписаную договоренность мусульманских богословов о том, что эпоха иджтихада, продолжавшаяся в течение трех столетий после смерти пророка Мухаммада, завершилась. Это объясняется тем, что якобы ушло поколение исламских ученых, обладавших достаточной степенью компетентности и авторитета для вынесения правовых решений.

Предлагаемый вниманию читателя перевод книги «Маида» является показательным примером богословской работы М. Бигиева в области исламского права. После ознакомления с ней становится очевидным, что даже в таком обыденном вопросе, как запретное и дозволенное в пище, исламское право, разработанное в результате иджтихада древних авторитетов, было далеко от совершенства и однозначности. Хотя, казалось бы, все должно было быть иначе, если брать во внимание точность и недвусмысленность правовых установок Корана и Пророческой сунны. Для нас особый интерес представляет ход мысли ученого, который, не навязывая свою точку зрения, не только снимает покровы святости с шариатских предписаний, разработанных древними авторитетами, но и подводит своего читателя к необходимости делать самостоятельные выводы. Например, для российских мусульман будет интересно ознакомиться с решением, которое ученый дает относительно проблемы дозволенности в пищу конины. Интерес представляют также и драматические дилеммы, которые М. Бигиев выводит из противоречащих друг другу правовых установок различных мазхабов по одним и тем же вопросам.

Теперь следует остановиться на истории создания этой работы выдающегося татарского религиозного ученого.

Как и все труды Мусы Бигиева, рассматриваемая нами книга «Маида» является реакцией ученого на актуальные проблемы, с которыми сталкивалось мусульманское сообщество, будь то в Российской империи или за ее пределами. Отдельный пласт наследия М. Бигиева представляют его работы, так или иначе относящиеся к сфере отношений между российским государством и мусульманами, испокон веков живущими на его территории. М. Бигиев является также одним из первых мусульманских интеллектуалов, кто предпринял необходимые меры для того, чтобы ознакомить мусульманские массы с текстом проекта первой российской конституции. Так, в 1915 г. М. Бигиев издал сборник «Ислахат эсаслэре» («Основы реформирования»), в котором представил материалы и документы, отражающие различные аспекты политической и социальной активности российских мусульман, начиная с 1904–1905 гг. Среди прочих на страницах сборника он уделил место «Основным законам, утвержденным 23 апреля 1906 года», лично выполнив перевод документа на татаро-османский язык, который он назвал «Хокук эсасия» («Основные законы»). В редакции от 23 апреля 1906 г., на которую ссылается М. Бигиев, «Основные государственные законы» стали фактически первой конституцией Российской империи. Она состояла из

двух разделов, 17 глав и 223 статей. Поскольку тираж сборника «Ислахат эсасларэ» по цензурным соображениям не получил разрешения на распространение, в 1916 г. М. Бигиев вычленил из него раздел «Хокук эсасия» и издал его в виде отдельной брошюры. Этот факт свидетельствует о том, что ученый не только придавал большое значение делу ознакомления мусульман с этим важнейшим документом, но и предпринял все необходимые усилия для того, чтобы довести его до мусульманских масс.

Кроме этого, в апреле 1914 г. М. Бигиев опубликовал небольшую брошюру под названием «Дәүләт думасында мәет якмак мәсьәләсе» («Проблема кремации трупов в Государственной Думе»). Работа была написана в качестве ответа на проект закона о кремации трупов, внесенный в Государственную Думу Государственным Советом. В этой публикации М. Бигиев рассматривает законопроект о кремации с позиции исламских религиозных традиций и предписаний. Подвергая критике неприемлемый, по его мнению, для мусульман законопроект, ученый пытался отстоять право последователей ислама после смерти быть преданными земле в соответствии с требованиями шариата. Данная работа М. Бигиева также является красноречивым примером того, как он живо и оперативно реагировал на события законотворческого процесса, протекавшего в верховных органах власти Российской империи. Благодаря этому он в своих трудах доводил до сведения своих единоверцев те моменты, которые так или иначе затрагивали их религиозные и гражданские интересы.

Сказанное выше в полной мере относится и к книге М. Бигиева «Маида». Согласно авторской аннотации, она была написана по поводу проекта закона о ритуальном забое скота, внесенного в Государственную Думу IV созыва 26 ноября 1913 г., а также в качестве реакции на активность российских мусульман, проявленную ими по данному вопросу в следующем, 1914 г. Кроме этого, М. Бигиев сообщает, что намеревается внести ясность в остающиеся нерешенными вопросы правового регулирования, касающиеся пищи мусульманина и ритуального заклания скота. Информация с таким содержанием размещена на титульном листе издания, на котором также напечатано второе название этой книги, а именно «Зэбиха һәм хыйтан». Эта аннотация в действительности является второй по порядку, поскольку первая аннотация была вынесена автором на обложку книги и размещена под ее названием – «Маида». Эти нюансы укрепляют нас в предположении о том, что заглавие «Зэбиха һәм хитан» автор дал лишь одной из глав своего более объемного труда, который он назвал «Маида» и, вероятно, намеревался продолжить и закончить в будущем.

В целом же я могу с уверенностью констатировать, что толчком к появлению из-под пера известного ученого его новой книги стала, прежде всего, законодательная инициатива, внесенная в Государственную Думу IV созыва в 1913 г.

Небольшой экскурс в историю российского парламентаризма показывает, что дата, указанная М. Бигиевым во второй аннотации к книге «Маида», совпадает со временем работы Второй сессии IV Государственной Думы, которая продолжалась с 15 октября 1913 г. по 14 июня 1914 г. Однако по какой-то причине М. Бигиев некорректно указал дату внесения в Государственную Думу упомянутой законодательной инициативы. На самом деле законодательное предложение об отмене так называемого коробочного сбора и об установлении способов убоя домашних животных поступило на рассмотрение членов Думы не во вторник 26 ноября, как указывает М. Бигиев (в этот день работало 19-е заседание Второй сессии), а 27 ноября 1913 г., на 20-м заседании Второй сессии Четвертого созыва Государственной Думы.

Законодательное предложение об отмене коробочного сбора и об установлении способов убоя домашних животных, вероятно, касалось лишь вопросов регулирования взаимоотношений между государством и еврейскими общинами. В стенографических отчетах зафиксировано, что инициатива исходила от 67 членов Государственной Думы. Судя по стенографическим отчетам 1–28-го заседаний Второй сессии IV Государственной Думы, законодатели не возвращались к рассмотрению этого предложения, поступившего, по словам М. Бигиева, от депутатов правого крыла Думы.

Выше было отмечено, что во второй аннотации к своей книге Муса Бигиев ссылается также и на активность мусульман, которую они в 1914 г. проявили в вопросе о ритуальном заклании жертвенных животных по мусульманскому обряду. Действительно, 15–25 июня 1914 г. по инициативе членов мусульманской фракции Государственной Думы IV созыва в Петербурге состоялся IV Всероссийский мусульманский съезд (курултай), который по факту стал форумом тюркоязычных мусульман. Кстати, Муса Бигиев исполнял обязанности секретаря этого курултая.

На упомянутом съезде, помимо прочего, обсуждались также и вопросы преобразования духовного быта мусульман. По результатам обсуждений делегаты приняли проект «Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи», который предусматривал создание единой системы управления религиозными делами мусульман. Было принято решение о том, что резолюции IV Всероссийского мусульманского съезда

в виде отдельных законопроектов должны были быть внесены на рассмотрение Государственной Думы. Однако вопросы о том, какие именно законопроекты были предложены депутатами-мусульманами, выносился ли в их числе вопрос о ритуальном забое скота и в чем он заключался, требуют дальнейшего уточнения. В настоящей же статье, говоря о предпосылках появления книги М. Бигиева «Маида», я ограничусь сказанным выше.

Теперь следует сказать несколько слов о степени актуальности вопросов, затронутых Мусой Бигиевым в книге «Маида».

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленного вопроса, отмечу, что объем книги «Маида» составляет всего около 1,4 печатных листа при 34 страницах. Иными словами, перед нами фактически статья, изданная в качестве брошюры, а не книга в прямом смысле этого слова. Материал даже не был разделен на главы и параграфы, хотя при ознакомлении с текстом просматривается его четкое деление на темы.

Прежде всего внимание привлекает то, что в этой работе М. Бигиев рассуждает о влиянии, которое пища оказывает на организм человека, его характер и даже религию. Эту тему М. Бигиев раскрывает фактически в отдельном фрагменте книги. В частности, он пишет: «Запрет на употребление таких вещей [т. е. пищевых продуктов, которые в Коране отнесены к категории харам. – Прим. А. Х.] установлен с целью защитить и предохранить людей от дурного влияния их на здоровье или религию».

Данный тезис ученого звучит оригинально даже в наше время. Возникает вопрос: что подразумевал автор под словосочетанием «дурное влияние на религию»? Имел ли он в виду негативное воздействие запретной пищи на духовность человека или же подразумевал что-то иное? Ответ содержится в тексте книги. Выясняется, что в этом случае М. Бигиев говорит не о влиянии употребления запретной пищи на духовность. По мнению ученого, употребление запретной пищи наносит урон религиозной практике, или, если можно так сказать, состоянию ритуальной чистоты человека. Иными словами, оно приводит человека в состояние, подобное состоянию ритуального осквернения, когда нельзя читать молитву до тех пор, пока не будет совершенно полное или частичное омовение.

Интерес представляют также критические рассуждения М. Бигиева об излишнем буквализме богословов-правоведов, которые оказывали непосредственное влияние на формирование пищевых привычек мусульман, не являющихся этническими арабами, исходя при этом не из ясных предписаний Корана, а из гастрономических предпочтений арабов:

«Получается, что если арабы, в силу присущих им гастрономических склонностей, предпочитают ту или иную еду, то она является благом и потому хороша, а если же природа араба питает отвращение к той или иной еде, то такая еда является нечистой. <...> Ведь если подумать, то совершенно очевидно, что гастрономические предпочтения арабов, живущих кочевой жизнью в мире пустыни, пожалуй, не являются основой предписаний Драгоценного Корана, ниспосланного в качестве шариата, или, говоря иными словами, низведенного в качестве закона жизнеустройства для всего человечества».

В целом в своем небольшом трактате М. Бигиев много места посвящает неназойливой критике существующих шариатских пищевых установлений и, что самое важное, уделяет особое внимание выявлению изъянов методики вынесения таких установлений. Имея намерение оздоровить правовую мысль ислама и ее методологию, автор не делает голословные заявления, а сперва знакомит читателя со своими рассуждениями о сути и причинах запретности и дозволенности, приводит доводы из Корана и сунны, демонстрируя, что традиционные основания мусульманского права в изложении богословов-правоведов вступают в противоречие с положениями основных источников ислама. Затем он осведомляет читателя о своем решении относительно того или иного правового вопроса. Например, запретность употребления в пищу какого-либо продукта, установленная в Коране, согласно иджтихаду ученого, не означает запрет на извлечение выгоды из присущих ему иных полезных свойств.

Является ли работа М. Бигиева, посвященная проблемам дозволенного и запретного в пище, актуальной сегодня? Вне всякого сомнения, она актуальна ровно настолько, насколько она была таковой в момент своего появления на свет. Во-первых, перед нами яркий образец иджтихада, который представляет несомненный научный интерес как для исламоведческих кругов, так и для современных мусульманских ученых-правоведов. Следует учесть, что М. Бигиев писал для исламского сообщества, которое по уровню своих религиозных познаний стояло намного выше современных российских мусульман. Поэтому сам факт появления этой книги М. Бигиева сегодня является значимым событием в интеллектуальной жизни наших современников, исповедующих ислам после десятков лет его изгнания.

Во-вторых, М. Бигиев оставил нам не только богословско-правовую, но и яркую просветительскую работу, приглашающую мусульман задуматься об обоснованности и, как следствие, прийти к переосмыслению

легитимности многовековых предписаний, разработанных древними авторитетами от богословия и доминировавших в мусульманской среде и тогда, и в наше время, когда человеческое сообщество учится взаимопониманию и взаимному общению между культурами и религиями. Очевидно, общение и конструктивный диалог возможны только при условии осознания различия потребностей контактирующих друг с другом субъектов.

В этом свете книга может стать хорошим подспорьем в формировании векторов дальнейшего развития так называемой халяль-индустрии, что само по себе является ярким примером позитивных процессов в налаживании диалога культур. На наш взгляд, знакомство с предлагаемым переводом книги М. Бигиева «Маида» позволяет обогатить и расширить стандарты мусульманской религиозной кулинарии и гастрономии, а также предельно конкретизировать их содержание.

Работа М. Бигиева представляет несомненный интерес в плане истории развития теории и практики исламского права, поскольку само ее появление с первого дня стало показателем того, что исламское право продолжает развиваться, что оно не может оставаться взаперти, ограниченное правилами, изложенными в средневековых богословско-правовых трактатах. Кроме этого, труд М. Бигиева «Маида» предоставляет нам свидетельства того, что ученый стремился интегрировать требования исламского права в правовую систему российского государства.

И, наконец, следует сказать о еще одной важнейшей проблеме, которая, как мы видим, решается благодаря презентуемой работе М. Бигиева. О ней хочу сказать отдельно, поскольку мысли, изложенные автором в его книге, могут спасти не одну человеческую жизнь. Проблема заключается в удивительной шариатской безграмотности рядовых мусульман, которые до сих пор узнают о предписаниях шариата либо из проповедей, основанных на так называемых классических богословских трудах древних мусульманских, с позволения сказать, ученых мужей, большинство из которых состязались друг с другом в тщеславном словоблудии, либо узнают о дозволенном и недозволенном из самих таких книг, если, конечно, обладают соответствующим уровнем интереса к познанию тонкостей исповедуемой ими религии. В результате человек получает много ненужной, зачастую выдуманной информации, изложенной относительно гипотетических и даже фантастических ситуаций, однако не получает знаний, изложенных в Коране, которые действительно необходимы для нормальной и безопасной жизнедеятельности.

Чтобы не быть голословным, приведу пример из жизни. Мой дедушка по материнской линии Гарапшин Мубаракшах, 1911 года рождения, после начала Великой Отечественной войны был призван в так называемую Трудовую армию, поскольку оказался негодным к строевой службе в действующей армии – у него был покалечен указательный палец правой руки, тот самый, который нужен для ведения огня из стрелкового оружия. В результате он попал на строительство ЗКП – запасного командного пункта, второй столицы – на случай сдачи Москвы агрессору. Засекреченный город строился глубоко под землей в окрестностях г. Куйбышева (ныне – Самары). Вместе с ним на этой стройке работали сорок человек узбеков, хотя мусульман на той стройке, возможно, было гораздо больше. Кормили рабочих блюдами, которые в том или ином виде содержали свинину. Следовательно, мусульмане такую пищу не ели. Мой дедушка рассказывал, что они ели даже тараканов, но к блюдам из свинины или со свининой не притрагивались. В результате все те сорок узбеков умерли от истощения. Мой дедушка выжил, поскольку, поняв, какая участь его ожидает, напросился на строевую службу, прошел курс подготовки механика-водителя танка и был отправлен на фронт.

В этой связи у меня по прошествии многих лет с того времени, когда я впервые услышал от своего дедушки эту историю, возник следующий вопрос: почему ни мой дедушка, который так или иначе знал об обычаях мусульман и законах шариата, ни те узбеки, представлявшие собой выходцев из прославленного Туркестана с его глубокими и древними традициями мусульманского образования, не вспомнили о простом правиле выживания, изложенном в Коране, согласно которому в случае угрозы голодной смерти или любой другой формы безвыходности, несущей опасность для жизни или здоровья, мусульманину дозволяется употреблять запретную пищу, дабы сохранить свою жизнь или здоровье?

Мой простой вопрос обнажает глубочайший кризис, в который было загнано исламское богословие за века своего существования, а именно полное неведение рядовых мусульман о религиозных предписаниях Корана. Действительно, как можно назвать институт мусульманского богословия успешным и эффективным, а исламскую цивилизацию процветающей и идущей верным путем, если горы книг, понаписанных хваленными учеными мужами о шариате, не доводили до умов мусульман простейшие вещи, изложенные в Коране, незнание которых стоило им жизни?

Упомянутая проблема в книге Мусы Бигиева решается просто и понятно. Следовательно, по степени своей ценности она одна перевешивает тысячи так

называемых богословских книг, написанных авторитетами древности, и она одна является более эффективной и полезной, нежели знания, которые давала тогдашняя система мусульманского образования. В этом кроется еще один, возможно даже самый важный, аспект актуальности написанного М. Бигиевым трактата о пище мусульманина.

В любом случае сам факт публикации перевода книги М. Бигиева «Маида» является значимым событием как в отечественной бигиевистике, так и в процессе возвращения мусульманскому сообществу России одного из образцов татарского богословского наследия.

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович,
кандидат философских наук

МУСА ДЖАРУЛЛАХ БИГИЕВ

МУСУЛЬМАНСКАЯ ТРАПЕЗА

В этой книге повествуется о наставлениях благородного Корана и исламской религии, касательно человеческой пищи, питья и трапезы.

Тип. М.-А. МаксUTOва. СПб., Басков пер., д. 34

«Он – Тот, кто сотворил вам все, что на земле» (сура «Корова», 29).

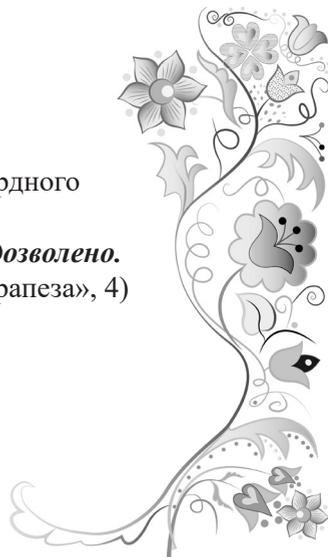
**«Посредством нее Мы вырастили для вас пальмовые сады
и виноградники, где растет для вас много плодов, которые вы едите»**
(сура «Верующие», 19).

**«Он также сотворил скот, который приносит вам тепло и пользу.
Вы также употребляете его в пищу»** (сура «Пчелы», 5).

Именем Аллаха Милостивого, Милосердного

*«Они спрашивают тебя о том, что им дозволено.
Скажи: “Вам дозволены блага”»* (сура «Трапеза», 4)

Трапеза

О самых насущных потребностях человека, каковыми являются пища и питье, самый исчерпывающий и преисполненный мудрости ответ содержится языком божественного попечения в 4-м священном аяте 4-й суры «Трапеза» драгоценного Корана.

В 3-м священном аяте суры «Трапеза» изложено одиннадцать запретов, касающихся пищи и питья. Они нуждаются в подробном разъяснении.

Поэтому в 4-м аяте драгоценного Корана всё, что разрешено, обозначено словом «халяль» (дозволенное), ибо это «благие вещи», а то, что запрещено – словом «харам» (запретное), ибо это «дурные вещи».

Эту истину верующие встречают во многих аятах драгоценного Корана:

«О, вы, которые уверовали! Вкушайте из благ, которыми Мы вас наделили, и благодарите Аллаха, если Ему вы поклоняетесь» (сура «Корова», 172). _____

Следовательно, из дарованной вам пищи ешьте только благое. Ограничьте свою еду только благим.

«О, вы, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые разрешил вам Аллах, и не преступайте границы дозволенного. Воистину, Аллах не любит преступников! Ешьте из того, чем Аллах наделил, дозволенное, благое» (сура «Трапеза», 87).

Иными словами говоря, не запрещайте блага, которые Аллах сделал для вас дозволенными. Запрещение благого является таким же преступлением, как и разрешение дурного. Аллах не любит преступающих. Ешьте ту пищу, которую Аллах даровал вам в качестве дозволенной. Таким образом запрещается объявлять недозволенным какое-либо благо, пригодное для употребления в качестве еды, запрещается употреблять в пищу что-либо дурное.

«Скажи: “Кто запретил украшения Аллаха, которые Он низвел для Своих рабов, и прелести из удела?” Скажи: “Это – только для тех, которые в ближайшей жизни уверовали в День воскресения”. Так разьясняем Мы знамения для людей, которые знают!» (сура «Преграды», 32). _____

Иными словами, «Кто может запретить украшения Аллаха, которые Он даровал Своим служителям? Кто может запретить то благое из пищи, которым Аллах наделил Своих служителей? Верующие пользуются этими благами и украшениями, и не спросится у них за это в День воскресения».

Если бы блага могли быть недозволенными, или же недозволенное могло бы быть благим, то не было бы ниспослано такое пространное божественное предостережение по поводу отказа от использования украшений из одежды и употребления разрешенной пищи.

«Он повелит им совершать одобряемое и запретит им совершать предосудительное, объявит дозволенным благое и запрещенным скверное, освободит их от бремени и оков» (сура «Преграды», 157). _____

Этот аят демонстрирует отношение драгоценного Корана к доисламским общинам. В нем отмечается, что всякая благая вещь является дозволенной, а всякая дурная вещь является запретной.

Шариатом разрешена всякая вещь, которая относится к категории благ. Поэтому *харам* (запретность, недозволенность) проистекает из того, что той или иной вещи присущи какие-то дурные качества. Однако некоторые из доисламских общин объявляли для себя запретными некоторые блага или даже большинство из благ, например, брахманы Индии, буддисты, христианские монахи и священники, и почти все иудеи.

Однажды досточтимый пророк Иаков, возможно, с целью излечения своего недуга и во исполнение врачебного наставления запретил для себя употребление верблюжьего мяса и молока.

«Любая пища была дозволена сынам Исраиля (Израиля), кроме той, которую Исраил (Израиль) запретил самому себе до ниспослания Торы» (сура «Семейство Амрана», 93). —

Тафсир¹ айата: До того, как была ниспослана Тора, то есть в шариате Ноя и в шариате Авраама для потомков Израиля были разрешены все виды пищи. Израиль запретил лишь некоторые виды еды и сделал это исключительно для себя. Запрещенная по причине болезни пища, конечно же, оставалась дозволенной как для самого досточтимого пророка Израиля, так и для его детей.

В порыве гнева, в приступе ярости или же по причине принятия на себя обета некоторые вещи, конечно же, могут быть объявлены запретными на некоторое время. Однако такой запрет ограничен временными рамками и касается только больного человека. Тем не менее, сыновья Израиля, возможно, из чувства уважения к своему великому отцу Израилю в качестве обычая израильского племени сделали запретными верблюжатину и верблюжье молоко. Этот запрет

¹ Тафсир (араб.: разъяснение) – дисциплина исламского богословия, занимающаяся толкованием Корана и сунны. Богослова, занимающегося тафсиром, называют муфассир (букв.: разъясняющий).

со временем трансформировался в национальный обычай, в племенную сунну. Запрет, который изначально был наложен ими на себя по их собственной воле и который в силу долгой истории превратился в национальную традицию, стал сошедшим с небес предписанием шариата и был вменен иудеям.

Если в национальных традициях, в древних обычаях какого-либо народа или общины отсутствует вредоносное начало, способное нанести урон религии или социальному устройству, то шариат божественного происхождения может принять такие традиции и обычаи. Большинство предписаний ниспосланного с небес шариата являются копией, в основе которой лежат прекрасные обычаи и полезные традиции того или иного народа. Иногда эти предписания подразделяются в соответствии с нуждами и потребностями народа. Иными словами, если некая община или народ по своей воле назначают какой-либо обычай в качестве обязательного для себя, и этот обычай не несет в себе какого-либо ощутимого вреда, то шариат поддерживает такую традицию и становится опорой для нее. В иудейском шариате предостаточно таких свидетельств. В случае с иудеями прекрасным примером является история с запретом верблюжьего мяса и молока. В священном аяте 160 суры «Женщины» драгоценный Коран повелевает:

«За то, что иудеи поступали несправедливо Мы запретили им блага, которые были дозволены им» (сура «Женщины», 160). —

Мы запретили для иудеев по их собственному выбору то, что сделали для них разрешенным. Хотя Нашей божественной мудрости не пристало запрещать блага, Мы путем подтверждения традиции, взятой на себя той или иной общиной, запретили для иудеев благие вещи. Это обязательство, которое иудеи вменили себе с целью усложнения своего состояния и совершения насилия над самими собой, являлось ничем иным, как принуждением и несправедливостью. В этом свете запрет Законодателем того, что ранее было дозволенным, является своеобразным наказанием.

В аяте 146 суры «Скот» драгоценный Коран вменяет следующее:

«Иудеям Мы запретили всех животных с неразвоенными копытами. Мы запретили им сало коров и овец, кроме того, что находится на спинном хребте и внутренностях или смешалось с костями. Так Мы наказали их за бесчинства, Воистину, Мы правдивы» («Скот», 146). _____

Это означает, что с целью наказания иудеев за их неподчинение и насилие, Мы запретили для них эти блага. Между тем в шариатах Ноя и Авраама для иудеев эти блага были дозволенными.

В качестве наказания за обязательства, которые община взяла на себя, за то, что она занимается самоистязанием и принуждением самой себя, благие вещи могут быть объявлены недозволенными для употребления, могут быть провозглашены *харамом*. В таких случаях недозволенность той или иной вещи проистекает не от того, что она является дурной вещью по сути своей, то есть не от того, что она нечиста. В таких случаях запрет представляет собой одну из форм наказания.

В исламском шариате не имеется подобных случаев запрета чего-либо в качестве наказания. В исламе причиной запрета является лишь только недоброкачественность. Поэтому любая вещь, которая в исламе известна как недозволенная (*харам*), конечно же, является дурной вещью.

Если существует нечто, что может навредить либо организму человека, либо его религии, то такая вещь, безусловно, является плохой, является нечистой. Например, мертвечина – дурна, кровь тоже дурна, ибо они могут нанести вред человеческому организму. Также нечисто и животное, которое принесено в жертву какому-либо идолу, поскольку оно наносит урон религиозности человека, его единобожию.

Следовательно, всякая дурная вещь, всякая нечистота запретна. Запрет на употребление таких вещей установлен с целью защитить и предохранить людей от дурного влияния их на здоровье или религию.

Любая дозволенная для употребления в пищу еда, т. е. *халаль*, конечно же, является хорошей вещью, благом. Она чиста и доброкачественна.

Любая вещь, которая способна стать для человеческого организма пищей, лекарством и не несет в себе какого-либо вреда, согласно Корану, является хорошей и чистой.

Когда о чем-либо говорится как о «благе» или «хорошей вещи», то подразумевается, что: 1) эта вещь является полезной в качестве пищи или лекарства; 2) эта вещь не несет в себе какого-либо вреда.

Любые виды пищи, пищевых продуктов и напитков, отвечающие этим двум требованиям, конечно, являются хорошими, являются благами. Это есть самый правильный способ и самые точные веса для определения благ, дозволенных драгоценным Кораном.

Определяя блага и дурное, о которых упоминается в драгоценном Коране, большинство наших богословов-правоведов взяли за основу естество арабов, их желания, вкусы и предпочтения. Поскольку такие слова, как *таййибат* (блага, доброкачественные вещи) и *хаба'ус* (нечистое, дурные вещи) являются арабскими, значит ли это, что для определения их содержания необходимо руководствоваться предпочтениям арабов. Получается, что арабы предпочитают ту или иную пищу, то именно она является благом и потому хороша, а если арабы питают отвращение к тому или иному продукту, то такая еда является нечистой. Определения, которые *факихи* дают той или иной еде и напитку, относя их либо к благому, либо к нечистому, восходят именно к описанным критериям.

Да, слова *таййибат* и *хаба'ус* – это арабские слова. Значения слов арабского языка определяются арабскими традициями, обычаями, мировоззрением арабских народов. Однако, когда речь идет о постижении тонкостей уже известных значений, когда мы говорим об осознании заложенного в эти значения содержания, то не должны судить, опираясь на вкусы, предпочтения и желания одних только арабов. Если подумать, то совершенно очевидно, что гастрономические предпочтения арабов, живущих кочевой жизнью в пустыне не являются основой предписаний драгоценного Корана, ниспосланного в качестве закона жизнеустройства для всего человечества.

Если для понимания того, чем являются *таййибат* и *хаба'ус*, требуются какие-либо критерии, то в их роли может выступить здоровое естество человека, пребывающего в добром здравии. Еда, которая

является для организма пищей или лекарством и не несет какого-либо вреда, представляет собой благо. Поэтому такая еда, конечно, является дозволенной. Если же пища может навредить организму или религиозности человека, то она является нечистой, то есть дурной и, поэтому она, является недозволенной.

Все, что существует на земле: полезные ископаемые, растения, животные – все это сотворено для того, чтобы ими пользовался человек. Все сотворенное и существующее вверено всем людям милостивым пожалованием Аллаха. Любой человек может пользоваться чем угодно. Сутью любой вещи является свободное пользование ею, извлечение из нее пользы. Сутью любой вещи является ее дозволенность.

Эта фундаментальная основа является самой почитаемой и самой незабываемой основой в исламе. Она является неизбежным и даже обязательным положением, необходимым для того, чтобы человечество стало *халифом*, то есть наместником Бога на земле. Такое положение дел является истиной, многократно подтвержденной священными аятами драгоценного Корана.

«Он – Тот, Кто сотворил вам все, что на земле» (сура «Корова», 29).

Поместив эту истину в центр своего внимания, *факихи* заявили: «Смыслом собирания Законодателем воедино всего того, что пригодно в пищу, за исключением опьяняющего и мертвечины, является объявление дозволенным их употребления в пищу, поскольку все они сотворены для пользования рабами Аллаха».

Я также принимаю эту основу в качестве истины. Это правда, что все существующее является собственностью человека и сотворено для того, чтобы люди им пользовались. Человек может пользоваться всем, чем пожелает, может владеть им, может распоряжаться им. Иными словами, человек имеет право извлекать для себя пользу из всего. Поэтому человек использует любые виды еды и пищевых продуктов и употребляет их. Однако способы использования, виды употребления не ограничиваются только едой, питьем и утолением чувства голода. Например, яд

также является собственностью человека. Человек может использовать яд. Но он не использует их в качестве еды, таким образом, убивая себя, но пользуется ими в своих интересах и для своих нужд.

В природе нет ничего бесполезного, лишнего и ненужного. Творя и давая бытие миру природы, десницы божественной мудрости никогда не ошибался. В устанавливаемых им средствах божественное никогда не действовало с целью позабавиться. Поэтому во всем, что только существует на земле, есть какая-либо польза.

Любая вещь сотворена для того, чтобы человек мог использовать ее в рамках заложенной в нее пользы. Любая вещь, имеющая изначальную пользу, относится к шариатской категории *мубах*, т. е. является нейтральной с точки зрения ее дозволенности или недозволенности. Яд является именно таковым, т. е. нейтральным. Человек может использовать яд, но не для еды, поскольку употребление яда в пищу не приносит пользы, а напротив, обрывает человеческую жизнь.

Дозволенность использовать любую вещь или употреблять любую пищу не может быть основой дозволенности пищевых продуктов в общем, поскольку их использование не ограничено только сферой еды и питья. Поэтому слова факихов о том, что: *«Смыслом собирания Законодателем пищевых продуктов воедино, помимо сделанных им исключений, является объявление их дозволенными для употребления в пищу»*, оказываются неверными.

Сутью любой вещи является дозволенность свободного ею пользования. Иными словами, речь идет о дозволенности пользования любой вещью в пределах заложенной в нее пользы и в границах имеющегося в ней блага, то есть – по ее предназначению. Однако дозволенность пользования не означает дозволенности употребления в пищу. Равно как и наоборот: запрет на употребление в пищу не равнозначен запрету на пользование. Например, запрещено употреблять в пищу яд, но разрешается пользоваться имеющейся в нем пользой. Есть мертвечину запрещено, но если в ней имеется какая-то польза, не связанная с ее употреблением в пищу, то ее разрешается использовать. Употребление спирта внутрь запрещено, но разрешается использовать его полезные качества. Спирт может применяться в парфюмерии, в ремесленном и промышленном производстве.

Между свободой действия или, говоря иначе, дозволенностью использования и дозволенностью употребления в пищу нет тесной связи. Хотя необходима чистота любой дозволенной вещи, совсем необязательно, чтобы всякое запретное являлось нечистым. Это разъяснено на 3–4 страницах «Ифадат аль-кирам». Начиная с 14 строки, разъясняются понятия нечистое и чистота.

Я выступаю против мнения факихов в вопросе о порочности всего того, что запрещено для употребления в пищу и недозволенности какого-либо использования того, что недозволенно для употребления в пищу. Я не могу согласиться с их утверждениями о том, что «сутью любого пищевого продукта является дозволенность его употребления в пищу».

Три столпа дозволенности пищи

С точки зрения шариата, чтобы какой-либо пищевой продукт являлся дозволенным для употребления, необходимо наличие трех основ, трех фундаментальных качеств:

1. Чистота. Если пища является грязной, дурной или испорченной настолько, что способна вызвать чувство отвращения у здорового во всех отношениях человека, то такая пища не может быть дозволенной.

2. Польза. Для человеческого организма пища так или иначе должна быть полезна либо как источник питательных веществ, либо как лекарство. Это есть важнейшая сущностная характеристика пищи. Сама потребность человека в пище основана на этом ее качестве.

3. Безвредность. Пища не должна приносить вред ни организму человека, ни его религиозности.

Пищевые продукты, отвечающие перечисленным выше трем требованиям, относятся к категории благ и потому являются дозволенными для употребления.

Растения и даже минералы, которые являются источником питательных веществ для человеческого организма, являются дозволенными и относятся к категории *халаль*.

«Он – Тот, Кто создал сады на трельяжах и без трельяжей, финиковые пальмы и злаки с различным вкусом, оливки и гранаты, имеющие сходства и различия. Вкушайте эти плоды. Когда они созревают...» (сура «Скот», 141).

«Он сотворил для вас на земле разнообразие цветов» (сура «Пчелы», 13).

«Мы вырастили для вас пальмовые сады и виноградники, где растет для вас много плодов, которые вы едите» (сура «Верующие», 19).

«Он – Тот, Кто сотворил вам все, что на земле» (сура «Корова», 29).

«О, люди! Вкушайте из того, что на земле, дозволенное и благое» (сура «Корова», 168).

Ниспосланные священные айаты подтверждают дозволенность минералов и растений, их пригодность для употребления в пищу. Конечно, пищей или благом не могут быть те минералы и растения, которые способны навредить человеческому организму, поэтому они не включены в общий смысл приведенных выше священных айатов.

О понятии «скот»

В драгоценном Коране в числе животных, сделанных дозволенными для использования людьми в качестве пищи, упоминается только домашний скот.

«Вам дозволена скотина» (сура «Трапеза», 1).

«Среди скотины есть предназначенная для перевозки и не предназначенная для этого. Ешьте из того, чем наделил вас Аллах» (сура «Скот», 142).

«Он также сотворил скот, который приносит вам тепло и пользу. Вы также употребляете его в пищу» (сура «Пчелы», 5).

«Воистину, домашняя скотина служит назиданием для вас. Мы поим вас тем, что находится у них в животах. Они приносят вам многочисленную пользу, и вы питаетесь ими» (сура «Верующие», 21).

«Неужели они не видят, что из того, что совершили Мы Сами, Мы создали для них домашних животных, и что они ими владеют. Мы сделали их подвластными им. На одних они ездят верхом, а другими питаются» (сура «Йасин», 71–72).

«Аллах – Тот, Кто создал для вас домашних животных, чтобы на некоторых из них вы ездили верхом, а другими питались» (сура «Верующий», 79).

Животные, мясо которых разрешено для употребления в пищу человеком, упомянуты во многих сурах драгоценного Корана, и во многих священных айатах. Однако, в каждом священном аяте по какой-то причине речь идет только о домашней скотине и живности.

Арабское понятие «скот» включает в себя такие виды животных, как верблюды, крупный рогатый скот и овцы. Когда в священных айатах драгоценного Корана, вещающих о «восьми парах», подробно разъясняется понятие домашнего скота, то упоминаются лишь овцы, козы, верблюды и крупный рогатый скот. Когда в священных айатах сур «Трапеза» и «Хадж» говорится о жертвенных животных и ритуальном заклании, то всегда упоминаются только овцы.

Поэтому виды животных, мясо которых разрешено для употребления в пищу, с точки зрения большинства мазхабов², ограничены.

² *Мазхаб* (араб.: направление) – в узком смысле слова – школа шариатского права в исламе. В настоящее время в суннитском исламе сохранились четыре богословско-правовых мазхаба: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский.

Относительно дозволенности или запретности конины среди улемов³ существуют большие разногласия. По мнению большинства улемов, конина дозволена для употребления в пищу, и, безусловно, является халялем. Однако ведущие представители маликитской школы права⁴ считают конину безусловным харамом. Хадрат Халид ибн Валид сказал: «В день Хайбара пророк (ﷺ) запретил мясо лошадей».

Если бы этот хадис⁵ был достоверным, то он, пожалуй, мог бы свидетельствовать о запретности конины. Но этот хадис отвергается поскольку Халид ибн Валид принял ислам после битвы в Хайбаре. Допустим, что этот хадис является достоверным. Однако даже в этом случае он не может служить доказательством того, что конина запрещена для употребления в пищу, поскольку совершенно очевидно, что запрет устанавливается лишь на время ведения боевых действий, когда существует высочайшая потребность в лошадях.

Улемы, внесшие конину в категорию запретного, обосновывали это свое решение следующим непреложным правилом сунны, то есть хадисом: «У лошади три предназначения: она – защита для человека, она – награда для человека, и она – ответственность для человека». Если бы конина была дозволенной в пищу, то благородный Законодатель сказал бы: «У лошади три предназначения: она для человека – защита, она для человека – награда, она для человека – ответственность, она для человека – запас».

Запретившие мясо лошадей обосновывали свое решение священным аятом: «**Он сотворил коней, мулов и ослов, чтобы вы ездили на них верхом и для украшения**». По их мнению, если бы конина была дозволенной, то при упоминании в аяте о пользе лошадей, то есть тех полезных свойств, которые они могут предоставить человеку, была бы упомянута дозволенность для употребления в пищу их мяса. В аяте же

³ Улем или алимы – это собирательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама. Право называться улемами всегда оспаривалось знатоками Корана и преданий, правоведами-факихами и др. Улемы противопоставлялись философам и суфиям.

⁴ Маликитская школа права – это суннитский мазхаб, основателем которого считается Малик ибн Анас.

⁵ Хадис – предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины.

упомянуто такое благо, присущее лошади, как возможность ездить на ней верхом; сказано также, что лошадь является украшением, но ничего не сказано о том, что лошадиное мясо разрешено для употребления в пищу.

Эта аргументация, вне всякого сомнения, является красивой и точной аргументацией. Но ее доказательная сила не является категоричной, ведь отсутствие упоминания о тех или иных благах и полезных сторонах какой-либо вещи, не может служить доказательством ограниченности присущих ей благ. Иначе такая полезная вещь, как использование лошадей в качестве вьючных животных, также должна была бы оказаться под запретом. В приведенных выше священных айатах упомянуты наиболее заметные блага из тех, которые присущи лошадям. Дозволенность мяса таких видов животных, как лошадь, мул и осел не является общим для всех них благом. Возможно, именно по этой причине данный вопрос и не был затронут в священном айате.

Хотя в драгоценном Коране не идет речи о дозволенности употребления конины, ее дозволенность подтверждена консенсусом благородных сподвижников и свидетельствами неопровержимых хадисов.

«От Джабира: “Воистину, Посланник Аллаха, благословил его Аллах и приветствовал, запретил мясо домашнего осла, а конину дозволил”», согласованный хадис⁶.

«От Асьмы бинт Аби Бакр: “Живя в Медине во времена Посланника Аллаха, благословил его Аллах и приветствовал, мы однажды закололи одну кобылу. Ее ели и мы, и его домочадцы [Пророка]», согласованный хадис.

«Ибн Аби Шайба, исполнив условия, поставленные двумя шейхами, передал с надежным иснадом от ‘Аты, что этот ‘Ата как-то сказал Ибн Джурайху: “Твои праведные предки не переставали есть его”». Ибн Джурайдж сказал: “Я спросил у ‘Аты: “Сподвижники Посланника Аллаха?” Тот ответил: “Да!”».

Согласно этим заявлениям, конина, конечно же, является халялем, является дозволенной для употребления в пищу.

⁶ Согласованный хадис – т. е. приведенный аль-Бухари и Муслим в их Сахихах и согласованный между ними.

Согласно достоверным хадисам, мясо домашнего осла недозволено для употребления в пищу. Однако дикого осла данный запрет не касается. В сборниках хадисов приводятся пространные рассказы таких сподвижников, как Сааб бин Джассама, Амир бин Сальма, Абу Катада, согласно которым в категоричной форме подтверждается дозволенность в пищу мяса дикого осла. В таких священных айатах драгоценного Корана, как: **«О, вы, которые уверовали! Не убивайте охотничью добычу, находясь в ихраме!»** и **«Вам дозволены морская добыча и еда во благо вам и путникам, но вам запрещена охотничья добыча на суше, пока вы находитесь в ихраме»**, подразумевается и дикий осел, поскольку в те времена наиболее распространенным видом охоты была охота на дикого осла.

Также дозволенным в пищу является мясо кролика и зайца.

«От Анаса: “Однажды в Марр аз-Захране мы спугнули зайца, который побежал прочь от нас. Люди выбились из сил, гоняясь за ним, но я все же поймал его и отнес Абу Талхе. Он забил зайца и отнес две его задние ляжки Посланнику Аллаха, благословил его Аллах и приветствовал. Тот принял гостинец”», согласованный хадис.

По поводу дозволенности мяса ежа существуют противоположные мнения:

«По словам Исы бин Намиля аль-Физари, его отец говорил такие слова: “Когда я был у Ибн ‘Умара, он задал вопрос о дозволенности поедания мяса ежа и при этом зачитал аят: «Из того, что дано мне в откровении. Я нахожу запрещенным...». Тогда один старик, услышавший это, сказал: “Я слышал, как Абу Хурайра спросил об этом у Пророка, и Пророк ответил ему: “Скверна из скверн”. И тогда Ибн ‘Умар сказал: “Если Пророк действительно сказал так, то значит, он сказал именно так!”».

Этот хадис передали Ахмад и Абу Дауд. Хотя не ясно, является ли этот хадис достоверным, запретность мяса ежа

предпочтительнее, поскольку запретность всего скверного подтверждается сказанным в драгоценном Коране.

«От Ибн Аббаса: Посланник Аллаха, благословил его Аллах и приветствовал, запретил употреблять в пищу животных, обладающих клыками и птиц, обладающих когтями». Хадис передал Аль-Джума‘а.

Существует много похожих по смыслу хадисов, зафиксированных со слов Абу Хурайры, Абу Са‘ляба, ‘Али. Они свидетельствуют о том, что запрещено употреблять в пищу мясо животных и птиц, которые находят себе пропитание благодаря наличию у них клыков и когтей.

«От Джабира: Воистину, Пророк запретил есть кошек и [запретил] есть [продукты, купленные] за счет их продажи». Хадис передан Абу Даудом, Ибн Маджей и ат-Тирмизи.

«От Аиши: “Посланник Аллаха, благословил его Аллах и приветствовал, сказал: “Существует пять скверных, которых разрешается убивать вне [харам] и в хараме: змея, пестрый коршун, мышь, злая собака, скорпион”». Этот хадис передан Ахмадом, Муслимом, Ибн Маджей и ат-Тирмизи.

«По сообщению Умм Шерика, Пророк повелел убивать ящериц», согласованный хадис.

«По сообщению ‘Абдурахмана бин ‘Усман аль-Карши, некий лекарь поинтересовался у Пророка о дозволенности использования лягушек для приготовления надобий. Пророк запретил их убивать». Данный хадис передан Ахмадом и аль-Хакимом.

Согласно содержанию этих хадисов, не допускается употреблять в пищу мясо хищных птиц, хищных животных, а также мясо таких пресмыкающихся, как змея, и таких вредителей, как мышь. В этом вопросе единодушие проявили мазхабы шафиитов, ханбалитов и ханафитов.

Однако с точки зрения ведущих представителей маликитского мазхаба, мясо хищных птиц, хищных животных, а также мясо таких вредителей, как ежи, змеи и мыши, является дозволенным. Запретным для употребления является мясо лишь четырех животных: свиньи, лошади, осла и мула.

Я с уважением отношусь к школе ведущих представителей маликитского мазхаба. Однако общий смысл приведенных выше источников шариата, а также священного айата: *«и запретит им скверное»*, отдает предпочтение подходам трех других мазхабов, поскольку, если даже

самая очевидная скверна не считается скверной, то что следует считать скверной вообще?

Сообщаются следующие слова Ибн ‘Умара: *«Пророк, благословил его Аллах и приветствовал, запретил мясо животных, питающихся падалью и нечистотами (джаллаля), а также запретил их молоко»*. Хадис передан Аль-Джума‘ой.

Слово *джаллаля* является термином, применяемым для обозначения животных и птиц, которые питаются падалью и нечистотами.

Досточтимые светила шафиизма, ханбализма и ханафизма, последовав очевидному смыслу этого хадиса, запретили употребление в пищу животных и птиц, которые питаются падалью и нечистотами.

Если же птица или животное, не являющееся по своей природе пожирателем мертвечины и нечистот, все же питается ими время от времени, то, по мнению корифеев ханафитского мазхаба, мясо и молоко таких животных и птиц временно являются порицаемыми. Но они становятся чистыми после нескольких дней содержания таких животных и птиц в загоне.

Если внимательно прочитать приведенные выше хадисы о животных, мясо которых запрещено употреблять в пищу, то станут понятны указания мудрого Законодателя относительно самой философии еды и питания.

Прежде всего, отметим, что пища, несомненно, оказывает влияние как на организм, так и на характер человека, на его нравственный облик. Пища может стать как причиной физического и нравственного здоровья человека, так и причиной разрушения его здоровья и морального состояния, поскольку качества и характеристики, присущие пищевым продуктам, непрерывно переходят как в организм человека, так и в его характер.

Разрабатывая законы шариата, мудрый Законодатель в первую очередь заботился о людях, радел об их благополучии. Возможно, именно по этой причине был наложен запрет на употребление в пищу мяса животных, которым присущи скверные качества, недостойные человека, и не отвечающие критериям человеческого счастья и благополучия.

Существует несколько видов созданий, природа которых была сотворена скверной:

1. Хищные звери. Природе хищников присущи такие негативные качества, как кровожадность, жестокосердие и беспощадность. Возможно, мясо хищников было запрещено для употребления в пищу именно с целью уберечь людей от таких свойств природы.

2. Создания, способные ввергнуть человека в муки, например, змея, скорпион, которые жалят или кусают человека, или, например, вороны, которые наносят вред урожаю, поспевающему в садах и на ниве.

3. Животные, природа которых сотворена пугливой, трусливой, униженной, например, крысы, мыши и насекомые, живущие в ямах, подземных норах.

4. Животные, которые поедают падаль, всякие мерзости и нечистоты.

5. Животные, которые обречены быть глупыми и бесславными, как, например, ослы.

Природа перечисленных существ совершенно не совпадает с человеческой натурой, поэтому даже медицина запрещает употребление их в пищу. Все аспекты физического бытия человека, равно как и состояние его естества, его природы определяются пищей, которой он питается. Даже характер и нрав человека, в основном, соответствует поедаемой им пище, а не только воспитанию.

Основываясь на этих обстоятельствах, а также содержании священных аятов драгоценного Корана и пророческой сунне мудрого Законодателя, корифеи шафиитского, ханбалитского и ханафитского мазхаба разделили животных, мясо которых дозволено употреблять в пищу, на несколько видов:

Выше уже было сказано, что упоминаемые в драгоценном Коране животные, мясо которых разрешено для употребления в пищу, являются домашними животными, то есть домашней скотиной. Такая живность представлена тремя видами: 1) верблюды; 2) крупный рогатый скот; 3) мелкий рогатый скот.

Из всех четвероногих домашних животных дозволенными для употребления в пищу являются эти три вида. Хотя священными аятами драгоценного Корана дозволенность конины не подтверждается, ее

дозволенность утверждена деяниями праведных предков и свидетельствами достоверных хадисов.

Что касается диких животных, то они являются дозволенными в пищу в том случае, если они похожи на перечисленные выше четыре вида либо своим названием, либо своими качествами. Например, горный козел – дозволен, дикая корова – дозволена, павлин – дозволен. Дикий осел так же дозволен.

В драгоценном Коране отсутствуют ясные указания о дозволенности употреблять в пищу мясо птицы. Правда, в суре «Падающее» в описании райского изобилия и благ встречается следующий священный аят: **«с фруктов, которые они выбирают, и мясом птиц»**. В драгоценном Коране райские блага упоминаются как одинаковые с мирскими благами. Таким образом, дозволенность мяса птицы, может быть подтверждена, этим аятом.

Дозволенность мяса птицы может быть обоснована драгоценным Кораном еще двумя путями:

1. И в доисламскую эпоху, и в годы пророчества мясо птицы являлось наиболее употребляемой снедью. Если бы мясо птицы было под запретом, то драгоценный Коран, разумеется, не умолчал бы об этом широко распространенном древнем обычае. Таким образом, общая практика всего человечества и установление древнего шариата была закреплена в драгоценном Коране. Такой способ узаконивания чего бы то ни было является самым убедительным и самым основательным способом.

2. Известно, что мясо домашней скотины разрешено для употребления в пищу. Таким образом, дозволенность мяса птицы, являющегося более чистым и вкусным, нежели животное мясо, подтверждается самым что ни на есть бесспорным способом, не оставляющим места для каких-либо сомнений.

В хадисах существует мало сообщений по поводу дозволенности мяса птицы:

1. *«Сообщаются следующие слова Абу Мусы аль-Ашари: “Я видел, как Пророк ел мясо курицы”*». Данный хадис относится к категории согласованных хадисов.

2. *«Пророк, благословил его Аллах и приветствовал, запретил употреблять в пищу животных, обладающих клыками и птиц, обладающих когтями»*. Хадис сообщил Аль-Джума‘а.

При упоминании птицы объявление запретными только тех из них, которые имеют когти, представляет собой заявление о дозволенности такой птицы, как курица, гусь, утка. Иначе хадис оказался бы бесполезным.

3. [«Посланник Аллаха, благословил его Аллах и приветствовал, сказал:»] *«Если кто-либо из людей убьет не по праву хотя бы даже воробья или кого-либо больше этого, то в Судный день Аллах непременно призовет его к ответу»*. Тогда кто-то спросил: *«А каково его [воробья] право?»*. Он ответил: *«Пусть он зарежет его и съест. Пусть не отрезает ему голову и не выбрасывает ее.»*». Этот хадис сообщил Даракутни со слов Ибн Амру.

Намек, присутствующий в этом хадисе, может служить доказательством дозволенности вообще любой птицы, поскольку здесь открыто сообщается о разрешении резать птицу для того, чтобы приготовить из нее еду.

С точки зрения корифеев маликитского мазхаба, дозволенными являются все виды птиц: и домашняя, и дикая, и хищники и даже те, которые питаются падалью и нечистотами.

До сих пор мы говорили о летающих созданиях. В том, что касается дозволенности водных тварей, лидеры мазхабов не пришли к единому мнению. Так, досточтимые светила шафиитского, ханафитского и маликитского мазхаба посчитали, что любое создание, живущее в воде, включая водяного, морскую свинью и даже мертвечину, являются дозволенными для употребления в пищу.

Священные аяты драгоценного Корана свидетельствуют о том, что эти три мазхаба держатся правильного решения:

«Вам дозволены морская добыча и еда во благо вам и путникам» (сура «Трапеза», 96).

В этом священном аяте слово *охота* имеет общий смысл, равно как и слово *еда*. Согласно объяснениям сподвижников, понятие «морская

добыча» оказывается «животным, добытым в море», а словосочетание *еда его* является *животным, умершим в море*. В общий смысл данного айата, безусловно, включены все обитатели водной стихии.

2 *«Он – Тот, Кто подчинил море, чтобы вы вкушали из него свежее мясо»* (сура «Пчелы», 14).

3 *«Не равны два водоема. Это (река, озеро) – вкусное, пресно, приятное для питья, а это (море) – соленое, горькое; из каждого вы питаетесь свежим мясом»* (сура «Ангелы», 12).

В этих священных айатах мясо упомянуто в обобщенном значении. В драгоценном Коране нет ни одного доказательства, которое могло бы ограничить дозволенность [мяса] только рыбой.

Даже хадисы о морских обитателях имеют обобщенный смысл:

1. *«Абу Хурайра сообщает, что Пророк, благословил его Аллах и приветствовал, сказал: “Морская вода чиста, и мертвечина ее – халяль”*». Хадис передан аль-Джума‘ой.

Получается, что в этом хадисе даже морская мертвечина упоминается обобщенно. Если любая морская мертвечина является дозволенной для еды, то естественно, что любой обитатель моря без какого-либо исключения, является халялем.

2. Имам Даракутни сообщил в «Сунане» со слов сподвижника по имени Джабир: *«В море нет ничего, что Аллах не сделал бы чистым для человека»*.

В этом хадисе ясно сказано о том, что все морские обитатели являются дозволенными для употребления в пищу. Однако ханафитские корифи, считают всех морских обитателей харамом, за исключением такого их вида, как рыба. Рыба является халялем, который дозволен для употребления в пищу. Все остальные морские обитатели, считают они, являются скверной, нечистотой. Общий смысл священного айата: *«объявит дозволенным благое и запрещенным скверное»* включает всех обитателей моря.

Разумеется, такого рода обоснование нельзя назвать убедительным. Утверждение, что «все водные создания нечисты», есть ни что иное, как пустое притязание.

В сборниках хадисов мы встречаем хадис, способный доказать позицию ханафитских корифеев относительно обитателей воды:

«По словам Ибн ‘Умара, Пророк, благословил его Аллах и приветствовал, сказал: “Нам разрешены два вида мертвечины и два вида крови. Две мертвечины – это саранча и хут, а две крови – это селезенка и печень”».

Этот 11 хадис разъясняется на 9 странице «Ифадат аль-кирам». Когда в нем растолковывается положение о дозволенной в пищу мертвечине моря, то упоминается лишь кит. Если бы из числа морских обитателей (кроме рыбы) были бы дозволены и другие, то мертвечина, дозволенная в пищу, не была бы ограничена только рыбой.

С точки зрения светил ханафитской школы права, если мертвая рыба испорчена настолько, что ее тушка всплывает на поверхность воды, то она является харамом, поскольку в драгоценном Коране условием является свежесть пищи, т. е. ее доброкачественность. Иными словами, продукт, употребляемый в пищу, не должен иметь признаков испорченности, он должен быть свежеприготовленным. Имам Ахмад и имам Абу Дауд передали со слов сподвижника Джабира следующий хадис: *«Пророк сказал: “Ешьте то, что оставило море, и то, что осталось на берегу после отлива, но не ешьте то, что умерло в нем и всплыло на поверхность его”».*

Согласно утверждению этого хадиса, мертвечина, всплывшая на поверхность воды, является харамом, поскольку вполне возможно, что морская мертвечина перестала быть пригодной в пищу, безвозвратно покинула категорию продуктов, пригодных в пищу, по причине того, что создание умерло от болезни, или уже стало отравленным по причине гниения. С точки зрения шариата допустимо признать всех обитателей водной среды дозволенными в пищу. Но утверждение о том, что туши созданий, умерших из-за болезни, а также гнилое, протухшее и отравленное продуктами гниения мясо являются халялем, совершенно не соответствует основополагающим принципам шариата. Краеугольным камнем в здании шариата является принцип наложения запрета на любую вещь, которая способна нанести вред. Не существует какой-либо иной причины для запрещения чего бы то ни было. Вино запрещено по причине присущих ему вредных качеств, мертвечина и кровь запрещены по причине их потенциальной вредности.

Если исключить из перечня продуктов мертвую рыбу, всплывшую на поверхность, то мнение ученых маликитского, шафиитского и ханбалитского мазхабов выглядит более соответствующим духу утверждений священных аятов драгоценного Корана.

В священном аяте **«Он – Тот, Кто подчинил море, чтобы вы вкушали из него свежее мясо»** сказано, что целое море призвано служить людям, принося им пользу. Тогда почему нужно ограничивать извлечение людьми пользы из него лишь одним видом морских обитателей?

«Вам дозволены морская добыча и еда во благо вам и путникам», сказано в драгоценном Коране. Откуда берется утверждение о том, что из всего обилия водных созданий, дозволенных для промысла, в пищу разрешается употреблять лишь один их вид?

Действительно, в драгоценном Коране из обитателей водной стихии упомянут лишь *хут*.

«Спроси их о селении на берегу моря. Они нарушили субботу, поскольку рыбы приплывали к ним открыто по субботам и не приплывали в не субботные дни» (сура «Преграды», 163).

«...он сказал своему слуге: “Подавай наш обед. Мы почувствовали в этом путешествии нашем усталость”. Он сказал: “Помнишь, как мы укрылись под скалой? Я забыл о той рыбе”» (сура «Пещера», 62–63).

Однако частность, которая встречается в повествованиях, как некая случайность, не может повредить универсальности посылок, основанных на выражениях всеобъемлющего содержания.

Если бы светила ханафитского мазхаба могли экспериментальным способом доказать пагубность мяса водных обитателей, то смогли бы провозгласить, что для употребления в пищу дозволена только рыба. Однако источники шариата подтверждают всеобщий характер соответствующих повелений. Не существует ни одного шариатского источника, который можно было бы использовать в качестве обоснования обособления чего бы то ни было в контексте рассматриваемого вопроса.

Выше мы говорили о благах, полезных ископаемых, растительности и зелени, о животных, которые на основе строго однозначных в смысловом отношении распоряжений драгоценного Корана утверждены в качестве дозволенных для употребления в качестве пищи. Мы подробно, с соответствующими доводами и доказательствами, изложили взгляды всех четырех мазхабов относительно этой проблемы. Мы смогли показать, что относительно обитателей воздушной стихии более обоснованными выглядят взгляды ханафитского, ханбалитского и шафиитского мазхабов, тогда как применительно к обитателям водной стихии таковыми оказываются позиции школ маликитов, ханбалитов и шафиитов. Иными словами, говоря об обитателях воздушной стихии мы подвергли критике маликитов, а говоря об обитателях водной стихии – ханафитов. В надежде на то, что это окажется полезным для искателей знания и шакирдов, мы сочли своим долгом привести в этой книге каждый священный аят, касающийся человеческой пищи, ниспосланный в драгоценном Коране.

Выше мы уже говорили о том, что в шариате каждая вредная вещь категорически запрещена для употребления, и дозволенность присуща только благу. Таким образом, халялем является только благое, и только доброкачественные продукты дозволены для употребления в пищу. Однако определение благого в качестве дозволенного не было решением, сформулированным в последние дни пророческой миссии Мухаммада (ﷺ). Благое было дозволенным уже в первые дни после того, как была начата пророческая миссия. Также следует помнить, что дозволенность благого не является законом, свойственным лишь исламу, и что благие вещи являлись дозволенными в каждой из предыдущих общин.

«Для каждой общины Мы установили места жертвоприношений (или религиозные обряды), чтобы они поминали имя Аллаха над домашними животными, которыми Он наделил их» (сура «Паломничество», 34).

«Для вас на земле – место пребывания и средства пользования до назначенного времени» (сура «Корова», 36).

«О, люди! Вкушайте из того, что на земле, дозволенное и благое» (сура «Корова», 168).

«О, посланники! Вкушайте блага и поступайте праведно» (сура «Верующие», 51).

«Мы уже даровали сынам Исраила (Израиля) Писание, власть и пророчество, наделили их благами» (сура «Коленопреклоненная», 16).

Какой смысл заявлять, что дозволение, упомянутое в священном аяте: **«Сегодня вам дозволена благая пища»**, вступило в силу начиная с момента его ниспослания, что понятие дозволенности, т. е. халяльности, является чертой, присущей лишь только исламу?

Согласно требованиям риторики, постановка слова, подчиненно-го глаголу, впереди этого глагола означает синтаксическое ограничение (*хаср*). Поэтому между кораническим предложением **«сегодня дозволено»**, построенным по этому правилу, и гипотетическим предложением *дозволено сегодня*, с точки зрения правил арабского языка имеются различия. Первое предложение означает ограничение, то есть это предложение имеет следующий смысл: «Ранее это не было дозволенным, и стало дозволенным лишь сегодня». Во втором предложении ограничение отсутствует.

Правда, в случае со священным аятом: **«Сегодня Я ради вас усовершенствовал вашу религию»**, допустимо ограничение, обращенное в прошлое. Иными словами, в прошлом религия была несовершенной. Она была приведена в совершенство в те дни, когда появился ислам. Поэтому доведение религии до совершенства можно ограничить днем возникновения ислама.

С другой стороны, в священном аяте **«Теперь облегчил Аллах ваше время, ибо Ему известно, что вы слабы»**, возможно ограничение, обращенное в будущее. Это так, поскольку облегчение ноши может быть уместным только в момент отсутствия готовности [нести эту ношу]. Однако дозволенность благ, разрешенных для приема в пищу не было особенностью, присущей ни начальному периоду возникновения

ислама, ни последним дням пророческой миссии. Если это так, то какой смысл имеется в ограничении?

Комментарии Корана, например, “Тафсир Кади” или “Тафсир Кашшафа”, авторы которых все свое усердие посвятили описанию риторической изысканности драгоценного Корана и детальному раскрытию нюансов его арабистичности, по какой-то причине, умолчали об этом важном феномене, лежащем в плоскости построения художественной речи. Действительно, ни в одном из наших тафсиров нет ни слова об этом чрезвычайно значимом ограничении.

После выявления и исследования всех полезных особенностей, связанных с постановкой перед глаголом подчиненных ему слов, помимо уже упомянутого ограничения, я с особым вниманием всмотрелся в чудесный строй этого священного айата. Я стал исследовать различные виды ограничения и обнаружил:

Блага всегда были дозволенными для каждой общины. Дозволенность благ не стала особенностью, свойственной лишь последним дням пророчества. Однако дозволенность имела место либо благодаря праву вольного использования, либо путем «помилования», но не в силу наличия правового установления. Иными словами, это реализовывалось не силой божественного повеления, ниспосланного в небесном откровении.

В драгоценном Коране были разъяснены положения, относительно общественного устройства и жизни. Были специально ниспосланы подробные айаты о запретном и дозволенном. Благодаря исламу человечество достигло своего религиозного совершенства. Прежде такого единства и совершенства не существовало.

Поэтому в последние дни посланничества в начале суры «Трапеза» были ниспосланы следующие священные айаты, содержащие ограничение:

«Сегодня Я ради вас усовершенствовал вашу религию» (сура «Трапеза», 3).

Иными словами: религия человечества была доведена до совершенства только в день появления ислама.

«Сегодня вам дозволена благая пища» (сура «Трапеза», 5).

Иными словами, благие вещи, дозволенные для употребления в пищу, силой божественного повеления были разрешены вам именно в этот день, и именно в этот день к совершенству вашей религии было добавлено еще одно совершенство. Правда и то, что разрешение чего-либо путем помилования представляет собой демонстрацию Аллахом всеобъятной мягкости. Но дозволение вещей, годных для употребления в пищу, посредством силы божественного приказа – это есть еще более высокое достоинство, еще более высокий признак совершенства.

Ограничению, присутствующему в священном аяте **«Сегодня вам дозволена благая пища»** может быть свойственна именно эта особенность.

Те виды животных, которые являются домашним скотом, и божественные блага вообще, всегда были для людей дозволенными и остаются таковыми. Разрешено к употреблению молоко дозволенных животных, а также иные блага, например, их способность перевозить грузы. Однако арабы эпохи *джахилии*⁷ выделяли некоторых верблюдов, называя их *бахира*, *саиба*, *хами*, а также некоторых овец, называя их *васила*. Они объявляли для себя запретным любую пользу, которую они могли извлечь из этих животных.

С целью искоренения таких традиций, берущих начало в эпохе джахилии, в суре «Трапеза» драгоценного Корана был ниспослан следующий аят:

«Аллах не распоряжался относительно бахиры, саибы, василы и хами. Но неверующие возводят навет на Аллаха, и большая часть их не разумеет» (сура «Трапеза», 103).

⁷ Джахилия (араб.: невежество, неведение) – термин, которым обозначается эпоха, предшествовавшая появлению ислама на Аравийском полуострове.

Иными словами, практики запрещения какой-либо пользы, имеющейся в животных, не было ни в одном из предыдущих шариатов. Поэтому связывание с Аллахом того, чего нет в источниках шариата является клеветой на Него. Запрещение вещей, пользование которыми разрешено, недопустимо:

«Понесли урон те, которые убивали своих детей по глупости, без всякого знания, и запрещали то, чем наделял их Аллах, возводя навет на Аллаха» (сура «Скот», 140).

В 136, 138 и 139 священных аятах суры «Скот» драгоценного Корана, описываются религиозные обычаи арабов эпохи джахилии, а также их ошибочные представления. С целью искоренения тех религиозных обычаев и ошибочных представлений в драгоценном Коране были ниспосланы два аята. Один из них мы уже привели выше. *«Аллах не распоряжался относительно бахирь, саубь, василь и хамь»).*

Второй священный аят ниспослан в суре «Скот»:

«Из того, что дано мне в откровении, я нахожу запрещенным употреблять в пищу только мертвечину, пролитую кровь и мясо свиньи, которое (или которая) является скверной, а также недозволенное мясо животных, заколотых не ради Аллаха» (сура «Скот», 145).

Иными словами, основным качеством блага является его дозволенность. Таким образом, каждое благо, недозволенность которого не заявлена в священной книге, конечно, является халялем. В драгоценном Коране заявлена недозволенность всего четырех вещей. Следовательно, все остальные блага оказываются дозволенными, т. е. халялем.

Этот священный аят представляет собой просьбу, подразумевающую необходимость в получении самого настоящего разъяснения подобно тому, как это имеет место в случае с аятом:

«Почему вы не должны есть из того, над чем произнесено имя Аллаха, в то время как Он уже подробно разъяснил вам, что вам запрещено, если только вы не принуждены к этому?» (сура «Скот», 119).

Доказательство, упомянутое в этих священных айатах, основано на двух базовых началах: 1) дозволенность благ в целом, 2) ограничивающие запретного только теми недозволенными вещами, которые подробно разъяснены в драгоценном Коране. Разумеется, оба эти начала являются незабываемыми. Если та или иная вещь после подробного исследования и подсчета немногочисленных запретных вещей, не обнаруживается в числе недозволенных и не относится к ним, то тем самым подтверждается дозволенность этой вещи.

Ограничение, имеющееся в священном айате **«Почему вы не должны есть из того, над чем произнесено имя Аллаха, в то время как Он уже подробно разъяснил вам, что вам запрещено, если только вы не принуждены к этому?»**, до сих пор имеет силу и оно не выведено из применения ни одним хадисом и ни одним айатом. Иными словами, оно не аннулировано. Доказательство все еще остается доказательством. Запрет, ниспосланный позднее, даже если он существует, не опровергает ни одной буквы и ни одного слова этого айата. Да, верно то, что время от времени ниспосылались и другие предписания. Поэтому существовала возможность в один из последующих дней объявить запретным то, запретность чего не была объявлена в более ранних священных айатах. Однако даже если бы некоторые вещи были бы запрещены после ниспослания этого айата, то доказательная сила этого айата никуда не исчезает, и содержащееся в нем предписание не выводится за рамки действующих повелений.

В священном айате говорится о пищевых продуктах, которые представлены в качестве дозволенных путем опровержения их запретности. Если бы относительно этих вещей позже было бы ниспослано решение о том, что они являются харамом, или же пришло опровержение их дозволенности, то в этом случае указание, имеющееся в этом айате оказалось бы неверным. Однако такого не произошло. Более того, ничего неизвестно о том, что после ниспослания священного айата **«Из того,**

что дано мне в откровении, я нахожу запрещенным употреблять в пищу только мертвечину, пролитую кровь и мясо свиньи, которое (или которая) является скверной, а также недозволенное мясо животных, заколотых не ради Аллаха» в силу вступил новый запрет. Действительно, согласно хадису, в день Хайбара были объявлены харамом домашние ослы. Однако это, возможно, следует понимать, как: «Об их запретности было объявлено во время хайбарской кампании», поскольку это подтверждается выражением «скверна из скверн». Также об этом свидетельствует приказ о необходимости помыть посуду, которая контактировала с мясом домашних ослов. Если бы ранее мясо домашних ослов было в числе дозволенного, то оно не было бы скверной и не возникло бы потребности помыть после нее посуду. Следовательно, домашний осел всегда был харамом, однако в день Хайбара, по какой-то причине, прозвучало распоряжение о его запрете. Иными словами, в рассматриваемом случае запретность конкретного продукта была известна издавна, но объявление его запретным было чем-то новым.

В годы посланничества такие вещи происходили часто. Запрет на употребление в пищу мяса хищных животных и хищных птиц относится именно к таким случаям. Их недозволенность была известна давно, а объявление об этом было новостью.

В священном аяте ***«Из того, что дано мне в откровении, я нахожу запрещенным употреблять в пищу только мертвечину, пролитую кровь и мясо свиньи, которое (или которая) является скверной, а также недозволенное мясо животных, заколотых не ради Аллаха»*** имеется одно выражение, которое осталось за рамками внимания комментаторов. Речь идет о выражении: ***«для питающегося то, чем он питается»***.

В правильно построенной и оказывающей воздействие речи ни одно слово не является лишним или неуместным, и оно не произносится бесцельно. Каждому слову присущ какой-либо важный смысл,

какое-либо большое значение. Когда речь идет о тексте драгоценного Корана, то глубокий смысл, заключенный в каждом слове, неоспорим.

Почему там, где можно было бы ограничиться императивом «Вам запрещено», выбрано словосочетание *«для питающегося»*? Почему добавлено определение *«то, чем он питается»*?

Рази⁸ и кади⁹, которые с большим усердием излагают особенности слов, разъясняют тонкости их склонения, спряжения и произношения, в таких случаях, обычно, молчат. По моему мнению, изучаемому выражению присущи важные значения:

1. Словосочетание *«для питающегося»* обозначает то, что подразумевается под запретным. Иными словами, показывается, что такие недозволенные для употребления в пищу вещи, как мертвечина или кровь, являются непригодными только для еды, и потому являются харамом. Если же из этих вещей можно извлечь какую-либо пользу, то их использование является халялем. Возможно также и то, что этим словосочетанием раскрывается значение ряда других аятов, например, аята *«Ведь запретил он вам мертвечину»*.

Факихи запретили также пользу, которую можно извлечь из недозволенного для приема в пищу харам. Согласно фразе: *«для питающегося»*, использование выгодных составляющих, имеющихся у запрещенных для употребления в пищу продуктов, оказывается дозволенным. К примеру, мертвечина – это харам, поэтому поедание мертвечины и падали запрещено. Но шкура, например, является материальной ценностью. Разрешается ее продажа и покупка.

2. Выражение *«для питающегося»* определяет то, что подразумевается под харамом. Однако не была обозначена сфера этого ограничения. Сфера или область действия этого ограничения определяется выражением *«то, чем он питается»*. Иными словами, среди всего того, что люди обычно употребляют в пищу, запретными являются только четыре

⁸ *Рази* – здесь подразумевается Фахрадин Абу Абдулла Мухаммад бин Умар ар-Рази (1149–1209) – известный религиозный мыслитель, приверженец калама, автор незаконченного комментария Корана «Мафатих аль-гайб» («Ключи неведомого») – и другие подобные ему ученые.

⁹ *Кадхи* – здесь автор имеет в виду Насрадина Абу Са'ида Абдуллаха ибн Умара аль-Байдави (ум. 1286), известного мыслителя, философа, религиозного судью-кадия, автора комментария Корана «Тафсир аль-Байдави» и иных подобных ему ученых.

продукта. Все, что не входит в круг понятия «все то, что люди обычно употребляют в пищу», оказывается за пределами области ограничения. Поэтому в область ограничения не попадают нечистота, скверна, хищные животные и птицы, различные насекомые и ползучие гады. Хотя они не перечислены наряду с теми четырьмя запретными вещами, отмеченными в священном аяте, совершенно очевидно, что они не являются дозволенными к употреблению в пищу и не могут быть таковыми.

Согласно нашему изложению, священный аят: **«В том, что открыто мне, я не нахожу запретным для питающегося то, чем он питается, только если это будет мертвечина, пролитая кровь, или мясо свиньи, потому что это – скверна; или нечистое, которое заколото с призыванием не Аллаха»**, не является ни аннулированным, ни каким-либо особенным. Иными словами, он не выведен из практики и не сообщает в особой форме о чем-то исключительном. Ограничение, установленное в этом священном аяте, остается действующим. Оно до сих пор в силе и останется таковым во веки веков. Недозволенность нечистого, скверны, ползучих тварей, хищных животных и птиц не противоречит ни тому, что ограничение не является аннулированным, ни тому, что оно обладает вечной актуальностью. Начало этого ограничения присутствует как в аяте 173 суры «Корова», ниспосланной в Медине, так и в аяте 115 ниспосланной в Мекке суры «Пчелы».

Таким образом, ограничение харамы четырьмя вещами действовало от начала посланничества до его окончания. Также от начала посланничества до его завершения существовал запрет на употребление вина и скверны. Многочисленные аяты о запрещении вина и скверны были ниспосланы и в Мекке, и в Медине. Запрещение нечистого в самом начале посланничества выглядит как насущная необходимость: **«Одежды свои очищай! И скверны сторонись!»**. В священном аяте: **«Я не нахожу запретным»** из ниспосланной в Мекке суры «Скот» запретность мяса свиньи была разъяснена: **«потому что это – скверна»**. Запретность является неотъемлемым качеством любой скверны. Если бы любая скверна не была запретной, то это разъяснение было бы неуместным. В эпоху посланничества область запретного была широкой. Священные аяты об ограничении, уже несколько раз ниспосланные в Мекке, затем вновь были ниспосланы и в Медине. В этом нет взаимных противоречий и взаимной несогласованности.

Однако некоторые факихи каким-то образом разглядели противоречия там, где их не видел ни сам мудрый Законодатель, ни арабы, великолепно владевшие своим родным языком. Они разглядели противоречия и методом аннулирования вывели из практики священные аяты об ограничении или же придали им статус особенных аятов. Некоторые из факихов добавили к четырем запрещенным вещам другие вещи, упразднив их дозволенность, а затем в обоснование своего решения привели в качестве доказательства священные аяты, в которых говорится об ограничении. Однако такие поступки факихов не соответствуют истине.

Когда речь идет о доказательстве чего-либо с помощью понятных, стройных и красноречивых выражений, необходимо учитывать этику и правила изложения, нужно помнить то, о чем намерен поведать говорящий, и к какой области относится смысл, который он стремится выразить, нужно помнить о требованиях и условиях, предъявляемых местом и ситуацией, нужно обращать внимание на особенности использования того, о чем говорится. Иначе если обманешься, опираясь только на лексические значения слов, такое доказательство никогда не будет правильным, а высказанные говорящим слова в большинстве случаев окажутся ошибочными.

В таком случае ни один из священных аятов, выражающих единство, всеобщность, например, аят о племени 'ад в суре «Барханы»: **«Ветер, несущий с собой мучительные страдания. Он уничтожает всякую вещь по велению своего Господа»**, или аят: **«А наутро от них остались видны только их жилища»**, или аят: **«Когда же свершится над ними Слово, Мы выведем к ним из земли животное, которое скажет им, что люди не были убеждены в Наших знамениях»** в суре «Муравьи», или аят о царице Савской: **«Ей даровано все»**, или аят о Торе в суре «Преграды»: **«Мы написали для него на скрижалях написание о всякой вещи»**, не были бы правильными. Ибо в этих священных аятах высказывания, которые выражают смысловое поле, и область самодоказательства выражений, обозначающих всеобщность, самым очевидным образом отличаются друг от друга. Область значения, которое необходимо выразить, не равнозначна ни одному из миллиарда доказательств. Например, понятие

«*всё*» включает в себя все мироздание. Что касается имущества царицы Савской, то значение слова *всё* в выражении «*ей даровано всё*» представляет собой ноль в настоящем смысле этого слова, то есть ничто. Поэтому ошибкой является, когда при построении речи за основу берутся изолированные значения слов, когда слово служит доказательством самого себя. Хитрая попытка осуществить правку путем придания фразе некоего особого смысла, предпринятая после осуществления ставки на описанную выше неверную основу, подобна попытке выстроить дом из прогнивших бревен на прогнившем же фундаменте. Возьмем как пример упомянутый выше аят: «*Люди не были убеждены в Наших знамениях*». Игнорирование в такого рода предложениях миллиардов людей, убежденно верующих в великие знамения Аллаха, не отвечает требованиям ни риторики, ни истины.

Согласно разъяснениям знатоков науки об основах религии, придание особого значения или смысловое обособление фигур речи, обозначающих всеобщность, лишает их категоричности, отнимает у них безусловность. Обобщающие формулировки, подвергшиеся правке скальпелем обособления, лишаются также и чести являться доказательствами. Если мы примем во внимание такие слова знатоков науки об основах религии, как: «Не существует всеобщности, из которой не обособилась бы конкретная часть», то получится, что в шариате вообще не должно существовать такого понятия, как категорическое доказательство. Каждая из перечисленных выше опасностей выросла из такой ошибки, как принятие за основу в речи способности слов являться доказательством самих себя. Затем произошла трансформация этой фундаментальной ошибки в обязательное к исполнению правило, в результате чего сформировалось грандиозное заблуждение.

Согласно моему пониманию, в утверждениях драгоценного Корана, имеющих всеобщий характер, отсутствует обособление. Даже такие обобщения драгоценного Корана, как «*ей даровано все*», не являются чем-то особенным. Область охвата речи согласно степени говорящего, следует его намерению или цели. Таким же образом и доказательная сторона речи следует намерению и цели говорящего. Цель говорящего всегда становится известной благодаря контексту. Например, если бы арабы эпохи джахилии или человечество в целом признали бы

в качестве запретных некоторые вещи или блага, являющиеся дозволенными, то ограничение запретного лишь четырьмя вещами в таких священных айатах драгоценного Корана, как:

«О, вы, которые уверовали! Вкушайте из благ, которыми Мы вас наделили, и благодарите Аллаха – если Ему вы поклоняетесь. Ведь запретил Он вам мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, что заколото не ради Аллаха» (сура «Корова», 172);

«Питайтесь дозволенным и благим из того, что Аллах дал вам в удел, и будьте благодарны за милости Аллаха, если вы поклоняетесь Ему. Он запретил вам мертвечину, кровь, мясо свиньи, а также то, что не заколото во имя Аллаха» (сура «Пчелы», 114–115);

«Из того, что дано мне в откровении, я нахожу запрещенным употреблять в пищу только мертвечину, пролитую кровь и мясо свиньи, которое (или которая) является скверной, а также недозволенное мясо животных, заколотых не ради Аллаха» (сура «Скот», 145)

означало бы сподвигание людей к признанию дозволенности всех доброкачественных продуктов и к признанию ошибочности запрета доброкачественных вещей. Иными словами, приведенные выше айаты будут иметь следующий смысл: «Все блага являются халялем, и только эти четыре вещи – харам». Если же ограничение, упомянутое в приведенных выше священных айатах имело бы смысл: «Всякая нечистота является халялем, и лишь только эти четыре вещи являются харамом», то в таких айатах не было бы ни порядка, ни какой-либо пользы. У такого рода ограничения не будет никакой связи с такими предложениями, как: *«Вкушайте из благ, которыми Мы вас наделили»*, *«Питайтесь дозволенным и благим из того, что Аллах дал вам в удел»*. Выражение «Запрещенных вещей всего четыре; и всякая нечистота, скверна, яд и отравы являются халялем» никоим образом не соответствовало бы ни мудрости мудрого Законодателя, ни физическому и духовному

здоровью человечества, ни его физической и нравственной чистоплотности. Это выражение будет вступать в непримиримое противоречие с такими священными аятами драгоценного Корана, как: **«Запретим им скверное»**; **«Не меняйте хорошее на скверное»**; **«Аллах не оставит верующих в том положении, в котором вы находитесь, пока не отличит скверного от благого»**.

Если человек внимательно прочитает все комментарии Корана, написанные пером самых выдающихся обладателей знания, все книги, написанные благодаря усердию беззаветно преданных той или иной правовой школе факихов и хадисоведов, то, вероятно, он сможет должным образом оценить значимость изложенных на нескольких страницах этой маленькой книги мыслей по поводу священных аятов, гласящих об ограничении. Приведенные выше несколько строк я написал в надежде привлечь к этому вопросу внимание и заинтересованность читателей.

Всякий раз, когда в драгоценном Коране говорится о запретной пище, то приводятся и указания, касающиеся тех случаев, когда у человека не остается выбора, когда в силу тех или иных обстоятельств, он вынужден поступать только так и никак иначе. Взглянем на следующие аяты драгоценного Корана:

«Ведь запретил Он вам мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, что заколото не ради Аллаха. Если же кто вынужден (нарушить запрет) помимо (своего) желания, и не преступая меры, то нет греха на нем; ведь Аллах Прощающий Милосердный!» (сура «Корова»).

«Если же кто-либо будет вынужден пойти на это (на употребление запрещенных продуктов) от голода, а не из склонности к греху, то Аллах – Прощающий Милосердный».

«Почему вы не должны есть из того, над чем произнесено имя Аллаха, в то время как Он уже подробно разъяснил вам, что вам запрещено, если только вы не принуждены к этому?».

«В том, что открыто мне, я не нахожу запретным для питающегося то, чем он питается, только если это будет мертвечина, пролитая кровь или мясо свиньи, потому что это – скверна; или нечистое, которое заколото с призыванием не Аллаха. Если же кто-либо вынужден пойти на это, не проявляя ослушания и не преступая пределы необходимого, то Аллах – Прощающий Милосердный».

«Он запретил вам мертвечину, кровь, мясо свиньи, а также то, что не заколото во имя Аллаха. Если же кто-либо вынужден съесть запретное, не проявляя ослушания и не преступая пределы необходимого, то Аллах – Прощающий Милосердный».

В этих пяти священных аятах всякий раз после упоминания недозволенных к употреблению пищевых продуктов описываются случаи принуждения, крайней необходимости, а также приводится заключение о том, как следует поступать в подобных случаях.

Что такое крайняя необходимость? Крайняя необходимость – представляет собой принуждение со стороны какой-либо неумолимой внешней силы, окончательное возобладание которой над чем бы то ни было не вызывает сомнений. Крайняя необходимость – это также принуждение надвигающегося голода и ослабления, вызванных отсутствием разрешенной пищи и питья. В обстоятельствах крайней нужды или принуждения запретное перестает существовать; воспрещенность запретного аннулируется. Этот вопрос раскрыт и разъяснен в правилах 21–22, изложенных в книге «Кавагъйд фикъһия». Хотя факихи обозначили данное правило словами: «Крайняя необходимость превращает запрещенные вещи в дозволенное», в «Кавагъйд фикъһия» я предпочел дать другое определение: «В состоянии крайней необходимости запрещенность аннулируется».

В определении, данном факихами, отсутствует какой-либо аргумент, способный доказать, что в момент крайней необходимости бессрочная незыблемость запрещенности исчезает в силу прекращения бессрочного постоянства этой самой запрещенности. Однако насколько ценным при крайней необходимости является дозволение, разрешение, данное Законодателем, проявление им мягкости и оказание уступки, настолько же ценным является и непостоянство запрещенности.

При крайней необходимости запрещенность исчезает. Исключение, присутствующее в священном аяте 3: *«В то время как Он уже подробно разъяснил вам, что вам запрещено, если только вы не принуждены к этому»*, не является исключением из числа того, что было подробно разъяснено, но исключение из числа тех вещей, которые были запрещены. Исключение чего-либо из числа вещей, которые подробно разъяснены, будучи бессмыслицей, является бесполезным. Однако если исключение является исключением, сделанным из числа запрещенных вещей, то священный аят свидетельствует о том, что при крайней необходимости запрещенность исчезает.

Устранение недозволенности более соответствует вердикту Законодателя. Об устранении запрещенности свидетельствуют также и такие концовки священных аятов, как: *«Прощающий Милосердный»*. Ибо если основным смыслом в разрешении приема достаточного количества пищи является милосердие, то высшая степень милосердия достигается посредством аннулирования запрещенности. Прощение здесь не означает прощение греха за употребление необходимого количества еды, поскольку отсутствие в этом поступке греха совершенно ясно обозначено в предложении: *«Нет греха на нем»*. Поскольку в состоянии голода человек может съесть больше, чем требуется, то, возможно, именно по этой причине в священном аяте в качестве послабления упомянут такой божественный атрибут, как прощение.

Когда верующий лишен выбора, то вместе с запрещенностью недозволенного исчезает и присущая ей скверность. Иными словами, если недозволенная еда оказывает вредное воздействие на организм человека, привыкшего питаться запретной пищей, то употребление лишь необходимого количества запретной пищи человеком, оказавшимся в безвыходной ситуации, не наносит урона его здоровью. Во время голода в его организме возрастает сила сопротивления, сила самозащиты. Если запретной пище и присущ какой-либо вред, то сила сопротивления ее нейтрализует. Возможно, именно поэтому всякий раз когда речь идет о случаях крайней необходимости, упоминаются такие качества, как прощение и милосердие. Если существует прощение грехов, то уничтожение дурного, устранение вредного является прощением, является милосердием.

Хотя в своих указаниях по поводу действия в безвыходных ситуациях представители всех течений фикха¹⁰ проявили солидарность, мусульманские правовые школы не смогли достигнуть консенсуса в толковании священного айата: **«Если же кто вынужден (нарушить запрет) помимо (своего) желания и не преступая меры»**.

Согласно мазхабам маликитов, шафиитов и ханбалитов, предложение: **«помимо (своего) желания и не преступая меры»**, будучи обстоятельством, образованным от соответствующего глагола, выполняет функцию условия, ограничивающего ситуации безысходности. Случаи безысходности, являющиеся причиной разрешения шариатом определенных действий, не абсолютны, но ограничены такими условиями, как отсутствие неповиновения и соблюдение меры. Если человек, не являющийся мятежником, сознательно нарушающим предписания, не являющийся нарушителем границ дозволенного, оказывается в безвыходной ситуации, то состояние безысходности становится поводом для введения в действие вещей, дозволенных шариатом. Однако если некто проявляет неповиновение, осознанно нарушая канон, или же если он творит несправедливость, вторгаясь в область прав окружающих, то его пребывание в состоянии безысходности не может явиться причиной вступления в действие шариатских разрешений.

Разрешение – это большое добро, прекрасное благо. Превращение неповиновения и непокорности в причину большого добра и прекрасного блага не соотносится с премудростью мудрого Законодателя. Поэтому попадание бунтовщиков, нарушителей закона, смутьянов, разбойников и грабителей в безвыходную ситуацию, их пребывание в путешествии не является причиной вступления в действие послаблений или дозволений, санкционированных шариатом. Таким образом, когда бунтовщик или смутьян совершает странствие, то он не может сокращать намаз, не может прерывать пост. Если же он оказывается в ситуации крайней нужды, то он не может употреблять в пищу запрещенные продукты.

¹⁰ *Фикх* (араб.: глубокое понимание, знание сути) – исламская доктрина о правилах поведения мусульман; комплекс норм исламского права. Источниками фикха являются Коран, сунна, иджама (согласованное мнение исламских учёных по разным вопросам), кияс (суждение по аналогии). Знатоки фикха называются факихами. Некоторые учёные используют термины «фикх» и «шариат» в качестве синонимов для обозначения исламского права.

Если кто-то выходит в путь с целью разжечь бунт или посеять смуту, если это путешествие оказывается недозволенным по причине того, что его целью является нечто недозволенное, если по причине отсутствия какой-либо разумной цели это путешествие превращается в развлечение и увеселительное мероприятие, то такое путешествие не может являться причиной для вступления в действие предусмотренных шариатом дозволений и послаблений; такое путешествие не может считаться оправданием или обоснованием для нарушения шариатских предписаний. По этому вопросу упомянутые выше три мазхаба пришли к взаимному согласию.

Однако согласно ханафитскому мазхабу, фраза *«помимо (своего) желания и не преступая меры»* не является обстоятельством, образованным в священном аяте от упомянутого глагола, но является обстоятельством, образованным от глагола, обозначенного условием места, подобно тому, как это имеет место быть в предложении: *«Если же кто вынужден (нарушить запрет) помимо (своего) желания и не преступая меры»*. В этом случае безысходность подразумевается в общем значении, поэтому в это обобщающее значение священного аята входит и безвыходность, в которой могут оказаться бунтовщики и смутьяны. В священном аяте: *«В то время как Он уже подробно разъяснил вам, что вам запрещено, если только вы не принуждены к этому»* безысходность упомянута как некое обобщенное состояние. Поэтому безысходность в любом случае является причиной и оправданием для претворения в жизнь предусмотренных шариатом дозволений.

Обобщение, обозначенное в высказывании *«если только вы не принуждены к этому»*, способно подтвердить точку зрения ханафитов. Однако потребность в высказывании предположений, а также обращение к таким хитростям, как выведение исключений, к которым прибегают ханафиты, оперирующие этим священным аятом, показывает, что их точке зрения присущи определенные изъяны. Ибо главным столпом и признаком понятной и стройной речи являются такие критерии, как отсутствие у читателя нужды в домыслах и потребности в «корректировке» непонятных мест с целью их доведения до требуемой кондиции.

Общий взгляд трех мазхабов и особенный взгляд ханафитского мазхаба с точки зрения науки об основах исламской юриспруденции достойны

уважения, достойны быть принятыми во внимание. Любой факих, придающий значение доказательствам, приводимым перечисленными мазхабами, может отдать свое предпочтение одной из двух этих позиций.

Позицию ханафитов можно предпочесть в силу следующих причин:

1. Неповиновение – это, по сути, бунт. Однако неповиновение не может превратить собственно неповиновение в нечто должное или приемлемое. Поэтому если неповинующийся человек оказывается в безысходной ситуации, то ради сохранения своей жизни он может принимать в пищу запрещенные продукты. Иначе окажется, что он сам себя погубил.

2. Сопrotивление обстоятельствам, ведущим к гибели, является должным, обязательным. Если на зачинщика бунта или восстания нападет, например, лев или враг, то оказание сопротивления нападающему будет обязательным. Это верно и в отношении голода и жажды. Если бунтовщик в ходе бунта окажется в безвыходной ситуации из-за голода, то прием пищи для него будет обязательным.

3. Если кто-либо предоставит пищу бунтовщику или смутьяну, оказавшемуся в безвыходной ситуации из-за голода, то он обязан принять дар. Щедрый Законодатель в любом случае, делает дозволенным любую недозволенную пищу для каждого, кто оказался в безвыходной ситуации из-за голода. Бунт не может препятствовать применению послабления Законодателя.

Имеются основания также и для признания позиции трех мазхабов:

1. Применение послаблений в отношении людей, страдающих от голода, конечно, соответствует шариату. Однако в отношении страдающего от голода бунтовщика существует два пути применения к нему послабления. Первый путь предполагает разрешение запрещенной пищи. Второй путь – предоставление ему разрешенной пищи путем его призыва к повиновению и покорности. Этот путь более предпочтителен с точки зрения указаний Законодателя и интересов государства, поскольку в первом случае применение послабления выглядит как признание бунта и согласие с ним. Это не согласуется с решением Законодателя.

2. Человек испытывает отвращение к таким запрещенным вещам, как, например, падаль. Если из-за голода он вынужден съесть некоторое ее количество, он не будет есть более, чем необходимо, или же не

сможет съесть больше. Поэтому предложение *«Если же кто вынужден (нарушить запрет) помимо (своего) желания и не преступая меры»* оказывается бесполезным. Ибо в том, что касается поедания мертвечины, выход за границы меры обычно невозможен. Иными словами, ограничение: *«Если же кто вынужден (нарушить запрет) помимо (своего) желания и не преступая меры»*, с точки зрения ханафитов, оказывается бесполезным.

3. Предложение *«Если же кто вынужден (нарушить запрет) помимо (своего) желания и не преступая меры»* является обстоятельством предложения, построенным на основе соответствующего глагола. Согласно правилам построения предложения, объединение обстоятельства и субъекта действия является обязательным условием. Если это предложение изменить в сторону дозволения приема пищи, то это условие не исполняется, поскольку после приема необходимого количества пищи человек выходит из состояния безысходности. Таким образом, обстоятельство словно бы аннулирует субъект действия. Иными словами, взгляд ханафитов на это важное синтаксическое правило оказывается неверным.

4. В священном аяте *«Если же кто-либо будет вынужден пойти на это (на употребление запрещенных продуктов) от голода, а не из склонности к греху, то Аллах – Прощающий Милосердный»* в качестве условия представлено отсутствие тяготения к какому-либо греху. Поэтому попадание бунтовщика или смутьяна в безвыходную ситуацию не может служить оправданием. Иначе выражение драгоценного Корана *«не из склонности к греху»* должно было бы быть выведенным из правоприменительной практики.

Итак, мы последовательно изложили подходы и аргументы мазхабов фикха, касающиеся случаев крайней нужды. Человек имеет право свободно и критически исследовать позиции фикха по любому вопросу. Было бы хорошо и разумно, если бы имеющиеся между мазхабами различающиеся взгляды и решения служили бы не любованию или восхищению ими, а работали бы на развитие свободомыслия, на облегчение условий жизни. Если мы сможем воспользоваться ими таким образом, то различающиеся взгляды и решения, существующие между мазхабами, окажутся для нас милостью и благом.

В мире ислама существует потребность в оживлении исламских наук, в придании им силы, поэтому обязательным условием для сегодняшнего дня является преподавание в наших медресе учений и методик каждого из существующих мазхабов. Мы должны придать исламскому шариату бесспорную ценность на фоне, правовых и социальных наук, получивших развитие на Западе. Для решения этой задачи нам следует осуществить глубокое исследование, разбор и систематизацию взглядов наших правовых школ. Будет хорошо, если правоведа исламского мира поймут и осознают эту истину, если они признают эту необходимость. Если мы будем невеждами в главных мазхабах фикха, посвятим все наши усилия изучению только западных юридическим и социальным наук, то исламский шариат исчезнет.

Я не могу отрицать того факта, что исламский мир нуждается в улучшении. Однако самые важные основы реформирования нужно искать в прошедших эпохах. Обнаружение всех сокровищ и жемчужин, оставленных нам в наследство нашими древними благочестивыми предками, является первой основой этого улучшения.

Два рубля [Стоимость книги. – *Прим. ред.*]

Адрес автора:

Петроград, Клинский, 17, кв. 21.

М. Бигиеву.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от издателя. <i>Тимирясова А.В., Яковлева Е.Л.</i> Приглашение к мусульманской трапезе, не только вкусной, полезной и сытной, но и наполненной глубоким культурно-философским смыслом	3
Предисловие от переводчика. <i>Хайрутдинов А.Г.</i> «Маида»: богословский трактат Мусы Бигиева	7
Трапеза	23
Три столпа дозволенности	31
О понятии «скот»	32

Научно-популярное издание

Серия «Сокровищница Татарстана»

БИГИЕВ Муса Джаруллах

МУСУЛЬМАНСКАЯ ТРАПЕЗА

Перевод с татаро-османского языка

Хайрутдинова Айдара Гарифутдиновича

Главный редактор Г. Я. Дарчинова

Редактор А. Г. Хорошавина

Технический редактор О. А. Аймурзаева

Дизайнер П. В. Шаятович

ISBN 978-5-8399-0727-0

Подписано в печать 15.01.2020. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times NR, 10. Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 5,87.
Тираж 300 экз. Заказ № 1.

Издательство Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, 42. Тел. (843) 231-92-90
E-mail: zaharova@ieml.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «ТЦО «Таглимат»
420108, г. Казань, ул. Зайцева, 17